

1914 год

Война застала Фридриха Краузе и его невесту Александру Доброхотову в Финляндии, где они проводили свой первый совместный отпуск. Счастливые, беззаботные дни на острове Нагу на всю жизнь запечатлелись в их памяти. 14 июля Фридрих получил телеграмму о срочной мобилизации в армию, и уже 24 июля новоявленный «лекарь без чина» выехал из Москвы в Воронеж, где перед отправкой на фронт формировался его 253-й запасный госпиталь. Началась интенсивная, практически ежедневная переписка молодых людей.

Воронеж, 25 июля 1914 г.

Милая Шурочка! Вот прошёл первый день без тебя, и я начинаю свои письма-дневники.

Когда поезд тронулся, и я остался один, было очень грустно, и я долго сидел в коридоре на скамье и не начинал ни с кем разговора, и только к двенадцати часам ночи был втянут в политический разговор, однако малоинтересный.

В 2 часа ночи мы были в Рязани, где освободилось купе, тотчас же занятое мною и тремя прапорщиками запаса. Я лёг на верхнюю полку, потушил электричество и прекрасно спал до половины 9-го утра, а провалялся наверху до 12-ти, было очень удобно.

В 4 часа подъехали к Воронежу. Всё поля да поля, в большинстве убранные. Местами красивый лиственный лес, который опять на меня производит впечатление. На станции Грязи вижу на платформе гуляющего Никифора Николаевича¹ в смешной военной форме. Он зашёл ко мне. Оказалось, что он тоже не видел меня раньше и не знал, что мы в одном с ним поезде. Значит, наше прощанье им не подмечено и не послужит предметом для шуток!

Хотели мы с ним в Воронеже действовать сообща, но в ужасной давке на станции я его не мог разыскать. Пообедал без него и решил затем для начала обратиться к коменданту станции. Должно быть, со стороны смешно было видеть, как я держался перед военным начальством. Как бы то ни было, он мне указал,

---

¹ Блажко Никифор Николаевич — врач, из ассистентов Морозовской городской детской больницы.

что мне следует обратиться к воинскому начальнику за дальнейшими указаниями, его-де хата с краю.

Отдал вещи на хранение и поехал на извозчике к воинскому начальнику. Трясся по отчаянной мостовой на отчаянной пролётке. Погода хорошая. Правая рука работает беспрестанно — отдаю честь и отвечаю на приветствия. Понемножку привыкаю, только с генералами не знаю, как держаться.

Приехал к воинскому. Много солдат, все козыряют, я милостиво отвечаю. Насилу разобрал, кто из числа военных, находящихся в кабинете, начальник, и кто писарь. Оказался добродушнейший старичок полковник, покровительственно объяснивший мне, что следует через весь город [*ехать*] по Дворянской улице, через мост к Троицкой Слободе, отыскать дом Гаусмана, и там узнать дальнейшее.

Опять трясусь на извозчике, козыряю направо и налево, понимаю весьма мало, что со мной дальше будет. Подъезжаю, наконец, к дому Гаусмана. Всюду солдатики. Под козырёк докладывают, что тут-де будет госпиталь, но что его нет, а старший врач находится в белом доме ещё немного дальше. Еду дальше. В белом доме оказываются в большом количестве такие же умники, как и я, что меня искренне утешает. Встречаю однокурсника, прибывшего два дня назад, другого госпиталя. Он начинает мне всё объяснять, диктует мне рапорт, который я тут же передаю в контору. Говорит, что, может быть, старшего врача [*госпиталя*] № 253 ещё нет, а если так, то мне самому придётся оборудовать госпиталь и заботиться о людях, лошадях, сёстрах и т. д. Одним словом, напугал, как следует.

Показал мне список домов, в которых следует расквартировать весь состав госпиталя. Говорит о каком-то сене, которое, быть может, мне придётся достать сегодня же, о четырёх томах каких-то уставов, в которых всё объяснено, и в которых мало что можно понять; о 16 000 рублях, которые мне выдадут, если никто ещё не приехал; а я первый! Когда я ему говорю, что ведь я не имею ни малейшего представления обо всём этом, то отвечает, что сам три дня назад ничего не понимал, а сейчас производит всю эту работу. Зато он будет назначен старшим ординатором, а это означает двойной против младшего ординатора оклад.

Случайно мы узнали адрес некоего доктора Левитского¹, также числящегося за 253 госпиталем. Советует поехать к нему, может быть, это мой старший врач, и он уже начал оборудование госпиталя.

Опять на извозчике трясусь по всему городу, козыряю направо и налево. Левитского не застаю дома. Оставляю записку, что завтра зайду. Решил пока устроиться в гостинице «Франция» — все номера заняты; «Коммерческая» — все заняты; «Гранд-отель» — имеется один номер для двоих — 2 р. 75 к. Я его беру, посылаю за вещами, жду.

Неприглядный номер. Перегородка одна — передняя вроде чулана, перегородка вторая — спальня, тоже вроде чулана. Салон с зеленоватыми тёмными обоями с обилием золота. Одним словом, обычная неудобная номерная обстановка с кислым запахом, столь непохожая на то, что мы видели в Финляндии!

Получаю вещи, открываю. Оказывается, что один флакон с одеколоном лопнул и залил все носовые платки. Немного попало и на карандаши и почтовую

¹ Левитский Рафаил Михайлович — врач запасного полевого 253 госпиталя.

бумагу с конвертами. Может быть, ты даже услышишь запах. В общем, удачно — ничего не попорчено.

Заказал самовар: тусклый снаружи, грязный (Гранд-отель!). Пью чай с твоими бутербродами и шоколадом. Товарищ звал на вечер в Общественное собрание, но мне что-то совсем неохота, устал и хочется поболтать со своей Шурочкой. Верно, Шурочка, я пишу чересчур уж подробно? Но ведь тебе от этого не кажется скучней? <...> Пиши мне, Шурочка, в Воронеже просто — запасный полевой № 253 госпиталь, не приданный войскам, ординатору такому-то.

Сейчас, в 10 часов, лягу спать, устал сильно. В дороге сегодня написал открытку матери. С тех пор, как попал в Воронеж, на место своего назначения, сразу стал спокоен, не чувствую уже этого вибрирования всех нервов, как было все эти дни.

Воронеж, 26 июля 1914 г.

Второй день пребывания моего в Воронеже прошёл значительно спокойней. Прежде всего, я весьма недурно выспался с 11 часов вечера до 9 утра. Кровать хорошая, железная, матрас мягкий. Ни блох, ни клопов. Затем, побрившись, и вследствие этого почувствовав себя опять человеком, пошёл к товарищу по госпиталю **Левитскому**, но опять его дома не застал. Поговорил с его женой, общившей мне, что муж её тоже ординатор, и что старший врач ещё не приехал.

Пошёл на сборный пункт, где застал несколько своих однокурсников, а также Алексея Афанасьевича¹ и Никифора Николаевича. Сей последний, оказавшийся приехавшим первым из всего состава своего госпиталя, немедленно получил чек в казначейство на получение 16 000 рублей, и должен был, замещая старшего врача, устроить госпиталь. Обычная для него невозмутимость духа и весёлое настроение.

Алексей Афанасьевич тоже невозмутим, как всегда. Впрочем, ему беспокоиться нечего: у него имеется и приехавший вместе с ним старший врач, и коллега, мой однокурсник, о котором я тебе вчера писал, который почти уже закончил оборудование госпиталя. Ал.Аф., как младший ординатор, пока совершенно не нужен. В том же положении пока нахожусь и я. Мне сообщили на сборном пункте, что 16 000 рублей выданы уже Левитскому. Так как я у него был уже два раза и не застал, а мой адрес ему оставлен, то я думаю с невозмутимым спокойствием ждать дальнейших событий.

Днём Алексей Афанасьевич переехал ко мне. Оказалось, что в том же самом номере он провёл первые сутки вместе с Финкельштейном², с ним вместе сюда приехавшим. Тот теперь устроился на казённой отведённой ему квартире. Мы пока решили выждать здесь. Попадётся более или менее сносная квартира, то переселимся.

Побобдали в номере недурно, но дорого — 60 коп. с персоны. Отдохнули, пошли на вокзал за газетами. Там видели проезжавшего из Ростова в Москву Антошина Ник.Ник.³, тоже призванного. С вокзала вернулись и начали читать

¹ Морозов Алексей Афанасьевич — врач, тоже из ассистентов Морозовской больницы.

² Финкельштейн Лазарь Абрамович — врач.

³ Антошин Николай Николаевич — врач.

газеты, что отняло несколько часов времени. На вокзале я, кстати, купил несколько томиков «Универсальной библиотеки»¹, и это пока весь наш духовный багаж. Только теперь я вспомнил, что хотел ведь заняться изучением французского языка, и забыл купить в Москве самоучитель Toussaint-Langenscheidt² — обидно. Может быть, здесь достану, только едва ли. <...>

Я теперь уж с нетерпением буду ждать твоих писем. Как твоё настроение? Какие у тебя мысли? По поводу войны у меня в голове за последние дни никаких новых мыслей нет. Противная всё-таки газета «Русское слово»³, гадость. Какой подлый стиль: «тевтонский отвратительный спрут»! <...> Твой Ёжик.

Воронеж, 27 июля 1914 г.

Ты, милая Шурочка, в Воронеже не была, но общий характер этих небольших губернских городов тебе, должно быть, хорошо известен. Для меня же, как ты знаешь, всё это ново. Город построен по типу больших сёл. Посередине проходит Большая Дворянская улица⁴, самая шикарная в городе. На ней одно или два трёхэтажных здания, занятых гостиницей «Бристоль»⁵. Затем ряд двухэтажных каменных и много одно- и двухэтажных деревянных строений. В одном конце деревянная каланча Дворянской части, в другом такая же Московской части. Архитектура непритязательная, скверные булыжные мостовые, скверные извозчики и скверная допотопная грязная конка.

Поперёк тянется Большая Московская улица⁶, уже значительно менее презентабельная, а затем ряд совсем уж непрезентабельных улиц и переулков, на которых стоят лужи грязи и на которых встречаются и куры, и поросятки. Впрочем, пасущихся свиней видел и на Дворянской улице. Если сравнить с Таммерфорсом, то, конечно, критики никакой не выдерживает. Вообще, здесь лучше не сравнивать — всё самобытно и красочно. <...>

Сегодня утром на сборном пункте я встретил, наконец, коллегу Левитского. Он мне передал целую кипу официальных бумаг и инструкций, отношений и требований. И вот я несколько часов сидел над ними и старался кое-что в них понять. В конце концов, я осилил этот ворох бумаг и понял, что нам без бумаг здесь не ступить ни шагу.

Затем пришёл ко мне Левитский, и мы с ним вместе выработывали план и образ действий на завтрашний день. Лошадь мы уже имеем. Оказывается, что нам как запасному госпиталю, перевозимому по железной дороге, больше одной рабочей лошади не полагается. Часть команды также имеется, помещения есть. С завтрашнего дня мы заставим нашего зрителя закупить необходимую утварь и посуду, подводку, упряжь, муку, крупу и т. д. Часть этих вещей должны получить в интендантстве. Соберём ли мы завтра хоть малую часть того, что нам следует,

¹ Общедоступная массовая серия книг издательства «Польза».

² Популярный самоучитель французского языка по методу Ш. Туссена (Туссэна) и Г. Лангеншейдта.

³ «Русское слово» — массовая дешёвая московская газета правого толка.

⁴ Ныне проспект Революции.

⁵ Большая воронежская гостиница, существующая и в наши дни.

⁶ Ныне Плехановская.

это, конечно, другой вопрос. В общем, бестолочи и неразберихи хоть отбавляй, хотя в дневнике мобилизационном и указано наперёд, в какой час каждого дня что следует приготовить и совершить. Больше всего работы смотрителю, и почти никакой — младшим ординаторам. Пока нет главного врача, мы с Левитским работу будем делить пополам.

Алексею Афанасьевичу делать здесь абсолютно нечего. Пьёт, ест, спит, газету читает и по вечерам письма пишет. Сегодня к вечеру к нам хотели придти Левитский и ещё какой-то коллега, и вздумали мы сыграть небольшую пулечку. Не огорчайся, милая Шурочка, что таким делом буду заниматься. Ты знаешь, как либерально я смотрю на этот вопрос. Впрочем, даже идея принадлежит не мне, а Левитскому. Играть будем по маленькой, в авантюры пускаться я не стану. Проводить вечер где-нибудь на свежем воздухе нет сил. Постоянное козыряние направо и налево утомляет и отравляет всякое удовольствие. Стремись ограничить пребывание на улице, сколько возможно.

А ведь правда, Шурочка, что я болтушка; сколько я тебе уже наболтал за три дня, да ещё сколько наболтаю. <...> Настроение моё сейчас спокойное, но немножко боюсь, что как бы нам здесь не остаться без дела на долгое время. Хотелось бы скорее ближе к границе, к свежим впечатлениям. <...>

Сегодня я начал читать последний роман Кнута Гамсуна, и снова всецело захожусь под впечатлением и обаянием его стиля. Пишет он всё-таки удивительно. Как он любит и чувствует природу, как он просто живёт и просто воспринимает всё, что его окружает. Как он сводит все людские движения мысли и чувства к простым основным линиям вековой природы. Удивительный писатель!

Воронеж, 28 июля 1914 г.

Теряюсь в догадках, милая Шурочка, почему ты мне не пишешь?! Сегодня объездил все инстанции, но нигде не нашёл ни единого письма на своё имя. В сборном пункте одни официальные письма, а в почтамте «до востребования» ничего нет. В разборочной почтового отделения мне сказали, что все письма, адресованные на госпитали, посылаются воинскому начальнику. Заехал туда. Там мне дали кипу писем, но в ней оказались только официальные, по мобилизации, мне же — ничего! Я огорчён, Шурочка. Как бы письма-то не затерялись? Может быть, пока лучше адресовать на Малую Дворянскую улицу, Гранд-Отель, 33? Попробуй!

Знаешь, Шурочка, какой вчера сюрприз? Только что отослал письмо, как раздаётся громкий стук в дверь, и сейчас же входит в комнату Кутька¹, только что из Москвы приехавший, в полной форме военного врача. Оказывается, их Высочайшим указом произвели в зауряд-врачи², и он откомандирован младшим ординатором сюда в Воронеж в сводный госпиталь. Этот сводный госпиталь останется на всё время в Воронеже и получит, по всей вероятности, либо хроников, либо, вернее, заразных больных. **Кутя** этим весьма недоволен и думает на днях

¹ Кутька, Кутя — Беликов Николай Николаевич, — близкий друг Фр.Оск., тоже из ассистентов Морозовской больницы, позже служил в госпитале в Полтавской губернии.

² Зауряд-врачи — студенты-медики старших курсов, мобилизованные на действительную военную службу ввиду недостатка медицинского персонала; назначались на должности младших врачей и младших ординаторов.

подать рапорт о переводе в какой-нибудь полевой госпиталь. Настроение его прекрасное. Экзамены его всё-таки удручали. Сейчас он весёлый и шумливый, как всегда. Устраивается он с коллегами на казённой квартире, по дешёвому тарифу. Я думаю, если нас через две недели не переведут на какие-нибудь позиции, то и нам с Ал.Аф. придётся познакомиться с более дешёвым устройством. Цены здесь, в Гранд-Отеле, несмотря на всю его мизерность, весьма высокие, и на долго пороха не хватит.

Наш главный врач продолжает блистать своим отсутствием, так же как и наш товарищ, зауряд-врач. Вся работа на **Левитском**. Так как ему приходится всюду расписываться, то ему же и приходится браться за всё; я ему довольно-таки не нужен. Принимали мы сегодня вместе казённое оружие и отправили смотрителя за покупкой кухонной посуды, устройства столовой и канцелярии. Моя роль во всём этом — больше роль зрителя. Мне совестно, но правда, дела мне не находится.

Воронеж, 29 июля 1914 г.

Знаешь, Шурочка, после того, как запечатал и отослал тебе вчера письмо, так как-то хорошо сделалось на душе на целый вечер оттого, что сказал то, что хотелось, не боясь показаться пошлым. Милая моя Шурочка, Господи, как хочется, чтобы ты была здесь со мной. Теперь, вспоминая Финляндию, кажется, что это была сказка или сон, и давно, давно! Ведь кто меня так понимает, как ты? С кем мне всегда, при всяких условиях, бывает так свободно и легко, как не с тобой? Ведь отдельные мрачные моменты остаются моментами и быстро проходят; не они определяют наши отношения! Шурочка, мне хочется тебе хоть сколько-нибудь выразить, как я тебе глубоко благодарен за все, и как я убеждён в том, что ты много, много выше меня. <...>

Верно, что это письмо в сущности даже не письмо, а длинный поцелуй на четырёх страницах? Ты его так и понимай. <...> Поцелуй-письмо кончается! Прощай! А всё-таки я думаю, что сегодняшнее письмо из всех написанных мною тебе — самое понятное. Верно? Твой Ё.

Воронеж, 31 июля 1914 г.

Вчера не мог тебе писать, так как перебирался из Гранд-Отеля в Троицкую Слободу на казённую квартиру. Целый день был занят, и вечером у нас не было никакого освещения. <...> Вчера я наконец нашёл у воинского начальника два твоих письма мне от 24-го и 25-го. С каким волнением прочёл я их! <...>

Последние дни у нас проходят тускло, несмотря на чудесную погоду. Третьего дня безвылазно сидел в Гранд-Отеле, вечером — пулька. Вчера мы с Ал.Аф. с утра начали собираться. Что-то дорого жить на свои средства. Решили перебраться в Слободу, в крестьянский домик, отведённый нашему 253 госпиталю. Я ему предложил переселиться к нам, на что он охотно согласился.

У воинского начальника я достал письма от тебя (от матери до сих пор не слуха, ни духа). В почтамте оставил заявление, куда посылать адресованные мне письма. Уплатили по счетам, наняли извозчиков и поехали опять по всей Дворянской улице и через всю Троицкую Слободу до самого края света, где стоит отведённая нам избушка на курьих ножках. Комната сравнительно большая. Всякие там тюфяки, перинки и подушки мы велели убраться. Разостлали купленные в городе мяг-

кие матрасы на полу, и вот — помещение готово. В тот же вечер мне приходилось нижним чинам выдавать сапоги и шинели; канитель на несколько часов. Ложась спать, окружил себя кольцом Арагацовой пыли¹, чтобы клопы не съедали, и в этом успел: за ночь раздавил только одного клопа. Ал.Аф. утверждает, что будто бы по моей физиономии гуляли тараканы, но я этого не помню, спал богатырским сном. Сегодня Левитский тоже купил себе Арагаца, убедившись в его пользе.

В общем, несмотря на некоторые курьёзы, устроились недурно. Обедать ходим на железнодорожную станцию, как раз к отходу московского поезда, чем я думаю воспользоваться, то есть передавать письма кому-нибудь, внушающему доверие, с просьбой опустить в Москве в ящик. Меньше шансов, что затеряется. Обедает с нами и Кутька, также устроившийся в Слободе.

Мы теперь узнали место нашего назначения. Это — городок Бар в Каменец-Подольской губернии, верстах в 100—150 от австрийской границы. Отправят нас туда, должно быть, около 15-го числа августа. В городке, говорят, около 20 000 жителей, больше евреев. Клопов, наверно, там ещё больше, чем людей. Впрочем, поживём — увидим.

Газеты мы здесь покупаем регулярно на станции. «Русские ведомости»² я прочитываю от доски до доски. Сегодня там прекрасная статья Буквы³ о личности Вильгельма II. Ведь ничего подобного по объективности в других газетах не найдёшь! Или вот статья «Ради достоинства» (кажется, так) в том же номере. Как далеко от крикливого патриотизма «Русского Слова».

Я, когда читаю газеты или Кнута Гамсуна, всё время вспоминаю тебя. Сплошь да рядом хочется что-нибудь прочитать тебе, узнать твоё мнение, рассказать тебе о своём впечатлении... Мне кажется всё-таки, что мы слишком мало читали с тобой немедицинские книги. Давай, Шурочка, в будущем заполним этот пробел. Верно?

Я здесь сегодня купил два тома писем Чехова. Когда прочту, пошлю тебе, и ты будешь читать то же самое, что и я. Хорошо? Может быть, я пройдуся по полям страниц кое-где карандашом, или подчеркну кое-что, и ты догадаешься о том, что на меня произвело какое впечатление. И связь между нами будет ещё более интенсивной!

Воронеж, 2 августа 1914 г.

Дни проходят за днями, а разнообразия нет никакого. Хотелось бы куда-нибудь, наконец, двинуться! Дела мне сейчас нет никакого, если не считать делом то, что я сейчас пробовал обед, приготовленный для команды. Впрочем, вру — вчера было у нас маленькое разнообразие, хотя не развлечение!

Когда мы втроём сидели за обедом на вокзале, мимо нашего стола прошёл какой-то генерал. По совести говоря, честь, которую мы ему отдали, нельзя назвать особенно почтительной, но ведь мы и не знаем, как надо отдавать честь генералам. Одним словом, он обернулся к нам с весьма недвусмысленным сове-

¹ Арагац — «персидский порошок» из дикорастающих цветов, ядовитый для насекомых.

² Из всех газет автор писем отдавал явное предпочтение «Русским ведомостям» — солидной московской газете либерального направления.

³ Буква, Не-Буква — псевдонимы популярного фельетониста И.М. Василевского.

том, впредь честь отдавать более прилично, «ведь корпусный врач — это большое начальство!» Тут только мы узнали, что он нам до некоторой степени «коллега!» «Если, говорит, вы не желаете нарваться на скверную историю, то будьте более вежливыми. Ведь другой на моём месте этого так не пропустил бы!» Затем ещё вопрос: «вы запасные?»¹, и после утвердительного ответа безнадежный взмах рукой: дескать, от таких и ждать нечего! После чего величественно повернулся и ушёл.

Мы в это время стояли болванами перед публикой и временами прикладывались к козырьку. Глупо, но мне даже не обидно. Всяк учит тому, что он сам понимает, и как понимает; чего с него требовать. Ведь он думает, что он прав!

С сегодняшнего дня мы будем обедать где-то в частном доме, где Кутька отыскал возможность за 50 коп. получить три блюда, причём генералов поблизости не будет. Таким образом, инцидент исчерпан.

Я здесь обованился, то есть был у парикмахера и остриг свои пышные кудри под машинку № 3 за 20 коп. серебром. <...>

Сегодня с утра начал читать письма Чехова. Мне весьма интересно, потому что вернее, чем в произведениях литературных, обрисовывается личность писателя в его письмах. А личность Чехова, несомненно, и интересная, и привлекательная. Материала, чтобы углубиться в эти личности, в письмах много, жаль только, что не всегда знаешь, что за люди те, которым он пишет.

Закончил я «Последнюю отраду» Кнута Гамсуна. Какая печать тихой грусти и резиньяции лежит на всём романе! И вместе, несмотря на приближающуюся старость, что за вера в жизнь, в молодость, в её силу и вдохновение! Какая вера в необходимость всего того, что творится, чтобы спокойно, хотя и с грустью, поставить над самим собой крест и сказать: «Твоё время ушло, уступай дорогу новым, свежим силам! Даже тогда, когда она тебя уничтожает». Люблю его, несмотря на все странности и неровности стиля. Люблю его, потому что землёй, скалами, морем и соснами веет от его рассказов. Люблю его, потому что нахожу в нём отклик своих чувств и мыслей. Люблю его, потому что и природа, которую он описывает, напоминает мне природу, ставшую и мне (и тебе?) дорогой и милой!

Господи, да я, кажется, даже в лирику ударился. Ну, всё равно. Прощай! Твой Ё.

Воронеж, 4 августа 1914 г.

Дорогая моя солдаточка! Вчера весь день шёл скучный дождик, у меня болела голова; и всё-таки это был очень, очень хороший день. В этот день я, наконец, получил от своей Шуручки целых 3 письма и одно письмо от матери. Утром коллега пошёл по грязи в город, а я остался дома, уверенный, что получу письма. И в Гранд-Отеле, и на почте для меня целых 4 письма. Ура!

<...> Неужели Вильям¹ серьёзно может предполагать, что и к нему отношения изменились? Странно! Я думаю, он скорее удручён самим фактом войны между двумя народами, которые он одинаково уважает и любит, и от дружбы ко-

¹ Вильям Николай Николаевич — старший врач терапевтического отделения. Ал.Ив. восхищалась его образованностью, называла его «обаятельной светлой личностью» и как врача ценила его «больше, чем кого бы то ни было в Морозовской больнице» (письмо 16 января 1916 г.).

торых он ждал большего, чем от вражды их. Нам, находящимся между этими двумя народностями, тяжело думать и говорить об этой войне. Мы знаем одно, — что у нас есть обязанности, которые мы должны исполнять, независимо от того, легко ли они нам достанутся. Но мысли о том, что ко мне мои знакомые и друзья могут теперь хуже относиться только потому, что я немец, этой мысли у меня не было, нет и не может быть. Я, хоть и с трудом, допускаю, что к незнакомым людям враждебной нации можно относиться с подозрением. Но к знакомым, хорошо знакомым?! Нет! Это невозможно!

Но ты права, Шуручка, что самое страшное в войне — это озверение, одичание мыслей и чувств, благодаря чему даже культурные люди начинают говорить то, чего раньше никогда бы не говорили¹. Прочти хотя бы статью Евг. Трубецкого² в «Русских ведомостях» от 2 августа³, где он даже русский воинствующий национализм последних лет приписывает плохому переводу с немецкого! Какая чепуха, и какое затмение критической мысли! И как отрадно читать в том же номере Р.Вед. передовую статью с горячим призывом не разжигать низменные националистические страсти. Получается впечатление, что «Русские ведомости» борются сами с собой!

И какое глубокое нравственное удовлетворение получил я, когда все без исключения сообщения о пребывании русских в Швеции в унисон писали о необычайно приветливом и радушном отношении шведов к русским, которых ведь они считают своими врагами! Вот когда обнаруживается истинная культура, далёкая от всякой кичливой крикливости, как хотя бы в Германии за последние годы. То, что творили немцы в Калише⁴, и то, что мы ещё будем творить в Германии, — это, я думаю, для шведов и финнов, насколько мы их знаем и любим (не так ли?) явится дикой невозможностью, невероятной сказкой. И я с гордостью читал эти сообщения. Недаром, значит, нас поражала эта скромная, не бьющая на внешний эффект культурность! И не ошиблись мы, когда вынесли от пребывания в Финляндии только хорошее впечатление о культурном уровне финнов и их учителей — шведов.

А, правда, тягостно сейчас читать газеты? Сколько мелкой злобы, сколько без критики, на веру принятых непроверенных, явно ложных известий. И даже «Русские ведомости» временами шатаются, сомневаются, не участвовать ли в дикой пляске?! Меня сильно утешает то, что ты, Шуручка, сумеешь отличить

---

¹ В письме 31 июля 1914 г. Ал.Ив. писала: «Я очень рада, моё солнышко Ёжик, что тебя всё интересует и занимает, и не даёт сосредоточиться только на ужасах развёртывающейся войны. Если бы ты только знал, какой ужас меня охватывает, какую боль испытываю при чтении газет. Не смерть, витающая кругом, Ёжик, страшна, а озверение человечества».

² Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) — князь, религиозный философ, правовед, известный общественный деятель.

³ Ал.Ив. тоже обратила внимание на эту статью. 2 августа она писала Фр.Оск.: «Газету читаю аккуратно каждый день и всю; не то, что в былые дни: статьи, указанные тобой, читала с интересом, и тоже всё время думала о тебе, мой милый. А сегодня любопытна по своей оторванности и наивности статья Евг. Трубецкого. А как тебе нравится заигрывание с поляками? Ты прав! — внутренняя политика после войны должна круто измениться. Только бы скорее конец этой войне. Иного желания у меня сейчас нет».

⁴ Немецкие войска вошли в польский город Калиш 20 июля, на следующий день после объявления войны, и учинили зверскую расправу над мирными жителями.

истину от лжи, поверишь, что всё-таки далеко не всё, что сейчас взваливается и приписывается немцам, — правда. Ты знаешь, Шуручка, что я никогда не был националистом. И всё-таки больно иной раз читать все эти дикие голословные нападки на немецкую нацию. Неужели так-таки окончательно уж забыты и Гёте, и Шиллер, и Кант, и Ницше, и Бетховен, и Вагнер, и многие, многие другие!..

Фр.Оск. не выдержал и сумел-таки 7–8 августа побывать в Москве...

Воронеж, 10 августа 1914 г.

Пишу тебе наспех несколько строк. Вчера утром благополучно приехал. Ночью спал плохо, тесно, сильно устал.

Узнал, что у нас имеется главный врач, только не числящийся у нас по мобилизации, который не приехал, а вновь назначенный из числа ординаторов формирующихся здесь госпиталей. И знаешь, кто им оказался? Наш известнейший специалист по грудному возрасту — Фёдор Александрович Зайцев!¹ Сюрприз! Но человек он, кажется милый. Вчера днём мы вчетвером возились, затем меня послали с поручениями в город. Вернулся только к трём часам. Спать хотелось адски. Выпили с Ал.Аф. чаю и в 7 часов завалились спать. Спал богатырским сном до 7 часов утра!

Вчера достал в городе твои четыре письма и три письма матери². Пишет, что Вилли вернулся через Торнео ещё 23 июля, о Лени нет никаких известий; хлопчут в Министерстве иностранных дел. Артур лишился места, но сейчас же получил новое, тоже хорошее, при рижском трамвае. Гуго — idem³. Эдит получила прибавку жалованья и много работает; шлёт мне горячий привет. Отец ходит по комнатам и бьёт мух, «объявил им войну»! Мать думает, что это у него первые признаки старческой дряхлости. Мать обо мне, конечно, сильно заботится, горюет, что не успели снабдить меня Бог знает чем; советует по возможности близко к границе не подъезжать и т. д. Я сегодня утром засел, чтобы первым делом ответить ей, ведь я ей давно не писал, и она мне ставит много вопросов. Но я так и не успел окончить. Уже в 9 часов пришли все коллеги, и с тех пор у нас шёл военный совет до 1 часа дня. Чтобы поспеть бросить письмо в поезд, я должен спешить; матери письмо придётся послать уже завтра.

Официально объявлено, что мы выступаем в Бар в среду, 13-го числа, но медицинского имущества у нас у всех ещё нет и, быть может, мы останемся ещё целую неделю. Когда будет точно известно, я дам телеграмму: едем. Тогда пиши до востребования в Бар, Каменец-Подольской губернии.

Левитский не получил отпуска; дела ещё много, а времени нет.

¹ Зайцев Фёдор Александрович — врач.

² После выхода на пенсию в 1913 г. Адольф Оскар Краузе вместе с женой Луизой Элизабет и детьми вернулся на родину, в Ригу. Из семи детей в Москве остался один Фр.Оск., четвёртый ребёнок в семье. Его старшие братья Вилли и Артур были инженерами, третий брат Гуго не имел определённой профессии, сёстры Эдит и Лени — учительницы, самый младший, Карлуша — гимназист. Война застала Лени в Париже, и родные беспокоились, как ей удастся оттуда выбраться.

³ Idem (лат.) — то же самое.

Воронеж, 11 августа 1914 г.

Вчера закончил длинное (8 страниц) письмо матери. Вложил [фото]карточки и посылаю заказным. Объяснил ей всю сущность устройства полевых госпиталей, и как они функционируют. Из её писем ясно, что она имеет довольно смутное представление о том, как мы будем работать. Успокоил её насчёт моей экипировки. Она себя упрекала во всех письмах за то, что так мало обо мне позаботилась при моём внезапном отъезде. <...>

Вчера вечером получена у нас телеграмма, что медицинское имущество выслано из Москвы. Может быть, мы и в самом деле поедem послезавтра в Бар? <...> Зайцев пока производит очень хорошее впечатление. Я думаю, что мы здесь четверо хорошо уживёмся. Нет среди нас чиновников и формалистов. Сегодня еду в город закупать всевозможные хозяйственные принадлежности; думаем жить своим хозяйством. Кроме того, куплю по просьбе Зайцева шашки, шахматы и карты. Как видишь, готовимся бороться с всевозможной скукой. Впрочем, мне она не страшна: у меня есть несколько занятий: писать своей жёнушке письма, заниматься французским языком и читать хорошие книги. <...>

После чая пришёл Зайцев, сидели, занимались немного делом и больше болтали. Нет, он, правда, симпатичный парень. Я очень доволен, что мне, таким образом, удалось с ним ближе познакомиться. К тому же он весёлый, не без юмора! Будет хорошо.

Воронеж, 12 августа 1914 г.

У нас, Шурочка, неразбериха! Зайцев, должно быть, у нас не останется. Он назначен здесь заведующим формированием, а вдруг сегодня предписание из Петербурга: ждать присланных оттуда военных врачей, назначенных в госпиталь. Вот так штука! А мы уже радовались. Получим какого-нибудь бурбона петербургского.

Затем относительно дня нашего отправления тоже ничего не известно. Назначены на завтра. Медицинское имущество, говорят, прислано, но только частью, так как цены в Москве слишком дорогие. Предлагают нам недостающее покупать здесь, в Воронеже. Главные врачи хотят от этой части, конечно, отказаться. В общем, получается полная неразбериха.

Мы очень огорчены, если только оправдается, что мы получим формалиста за главного врача. Пока ещё не теряем надежды, что, может быть, как-нибудь этот вопрос уладится.

Ты, Шурочка, читала статью Ал. Толстого в «Русских ведомостях» от 10-го числа «Макс Вук»? Верно, много правильного, есть желание разобраться в психологических основаниях настоящей войны, как культурный немец понемногу превратился в безличную, управляемую и бездушную машину. Конечно, кое-что односторонне и несправедливо; нельзя так обобщать, как это делает Толстой. Но всё же здесь отношение к трактуемому предмету серьёзное. Напиши, Шурочка, как твоё мнение об этой статье. Мне хочется знать, всегда ли твоё мнение при чтении газет сходится с моим. Ведь я, Шурочка, «Русские ведомости» всегда читаю мысленно с тобой и всегда спрашиваю себя, что тебе может понравиться и против чего ты должна восставать. К этому письму я прилагаю две вырезки из понедельничных газет, статьи, с которыми я более или менее согласен. Толь-

ко, не правда ли, чудно, что надо ещё доказывать интеллигентным людям, что Шиллера можно и должно сейчас ставить на театре, несмотря на то, что он немец. Неужели Художественный театр по таким побуждениям откажется от «Дон Карлоса»!

Другая статья тоже старается понять и разобраться в психологии современного германца. Там много воды, но основное правильно, — что существуют две стороны немецкого национального характера: один тип идеалиста, мечтателя, немножко сентиментального, далёкого от жизни, толерантного, добродушного, непрактичного, — это южно-германский тип первых двух третей прошлого столетия. И тип холодного, грубого, практичного, умного, но чёрствого, малодоступного для восприятия чувства изящного, расчётливого дельца — это пруссак новейшей формации. Пруссак задаёт тон. Он создал государственное могущество Германии, но благодаря гипертрофии одних качеств получилась атрофия других, не менее важных, а, быть может, и более ценных. Расплачивается сейчас за это немецкий народ. Будем надеяться, что появится вновь старая Германия, культурные ценности которой не могут исчезнуть никогда.

Прости мне, Шурочка, мою тебе давно известную философию. Всё-таки задевают ведь эти газетные статьи и заставляют всё снова и снова возвращаться к одной и той же теме.

Воронеж, 15 августа 1914 г.

А у нас всё по-старому. Неразбериха усиливается. Из Петербурга нам врачей не присылают. Может быть, Зайцев и останется; было бы очень хорошо. Он в японскую кампанию был главным врачом санитарного поезда Красного Креста. Немного, значит, знаком с нравами и обычаями этой среды. К тому же он человек энергичный и не даёт себя запутать в скверные истории. У него всё будет без сучка и без задоринки.

Медицинское имущество частью прислано, но ещё не выдано. Другую часть Москва предлагает закупить здесь в Воронеже. Заведующий аптечным складом старается свалить на главных врачей, те отбодряются. Нашёлся еврейчик Муффки, взявшийся достать резиновые изделия. Какого качества, можешь себе представить. Вместо полагающихся 32 пузырей на госпиталь, предлагает выдать по одному (!) и т. д.

Телеграммы в Петербург и Москву, телеграммы из Петербурга и Москвы. Вдруг сегодня приказ: сводным госпиталям, назначенным оставаться в Воронеже, немедленно отправиться в Курск и Харьков (значит, и Кутьке). Они начинают сегодня укладываться, а заведующий формированием советует особенно не спешить, так как ведь завтра, должно быть, будет получена отменяющая распоряжение телеграмма!

Воронеж, 16 августа 1914 г.

Милая моя жена! Дождь, тускло, серо, слякоть. Пишу тебе рано утром. Жду сегодня от тебя письмо. Коллеги ещё спят, в соседней комнате хозяйка-тёща по обыкновению ругается со своим зятем. Тяжёлая, увесистая ругань. Мух видимо-невидимо. Кислый запах в комнате, грязь и пыль на полу и всех предметах. Вот наша обстановка.

Однако Шурочка, не думай, что я это описываю для того, чтобы тебя разжалобить. Если рано утром дождь, то, значит, днём будет солнце. Откроем окна, часть мушиного стада выгоним, зять уйдёт, и ругань прекратится, грязь и пыль заставим Фёдора убрать мокрой тряпкой. Одним словом, всё это поправимо и пройдёт. Временная неприятность. Уныния из-за этого не будет.

Дела госпиталя *in statu quo*. Оказывается, что уже несколько дней тому назад сюда приехал какой-то генерал из Москвы, которому подчинены все наши госпитали. Остановился он в гостинице и ждал, когда к нему явятся подчинённые власти. А те ничего не знали! Общий конфуз. Генерал — старичок, отставной, ничего не понимает. Ему сказали, что здесь ему всё объяснят, а тут только имеются противоречивые телеграммы из Петербурга и Москвы. Неразбериха. А теперь у генерала распоряжением из Москвы отняли его сводные госпитали и перевели в Курск и Харьков. Чтобы не остаться совсем без подвластных, он слово «немедленно» толкует широко и задерживает госпитали до воскресенья, авось к тому времени одумаются и оставят их здесь, в Воронеже.

Главным врачам дали деньги на руки — извольте закупить всякие катетеры, термометры и пузыри. Достанете что-нибудь — хорошо, нет — ваше дело. Путаница увеличивается.

Приехали третьего дня к нам сёстры. Пока три, четвёртой ещё нет. Приехали они из Ташкентской общины. Старшая — вертлявая, болтливая, маленькая, с лошадиной физиономией, неопределённого возраста (35—65?), говорит за троих, во всё съёт свой нос. Другая — крепкая, краснощёкая, громко смеющаяся, зубастая девушка (23 года), нрава, кажется, весёлого, без претензий, провинциалка. Выросла в Верном¹ Семиреченской области, других городов пока не видела. Третья — совсем молоденькая (20 лет) девчонка с томными, кокетливыми глазами, с некоторой претензией на изящество. Выросла в Кронштадте, затем попала в Туркестан. Крест получила только что, в мае.

Со вчерашнего дня зажили своим хозяйством. Обедали вместе, приготовленное нашими поварами. Наелись здорово; страшно надоела ресторанный еда.

Кончил вчера второй том Чехова, начал третий, — письма, написанные во время путешествия на Сахалин. Сколько наблюдательности и сколько непринуждённого (иной раз даже слишком непринуждённого) юмора! Правда, советую читать.

Воронеж, 17 августа 1914 г.

А у нас слухи, слухи, слухи! Вчера стали говорить, что нас в Бар не отправят, что ждут телеграммы с приказанием выступить на Кавказ, к турецкой границе! А сегодня опять утверждают, что в ближайшие дни поедем всё-таки в Бар. Вот и разбери, что будет. Ждём у моря погоды. Часть медицинского имущества (инструментов, фармацевтических средств) вчера выдали, часть (хотя и весьма малая) нами закуплена здесь. Может быть, и в самом деле на этих днях выступим.

Вчера узнал, что Кутька несколько дней тому назад поехал в Москву, и в тот же день ему была послана телеграмма немедленно вернуться, так как сводные

¹ Ныне Алма-Ата.

госпитали сегодня должны отправиться в Харьков. Так что Кутька, только что приехав, в тот же день должен был выехать и сегодня утром быть уже здесь, в Воронеже. Бедный, напрасно проездил; не везёт.

Вчера все мы были в бане: Зайцев, Левитский, Ал.Аф. и я. Здорово парились, мылись. Вспоминал, глядя на свою чистоту, былые дни, с надеждой взирал на будущее — будем и мы рысаками. После бани решили скопом пойти в Общественный сад на оперетку: «Цыганские романсы». Я думал, что будет хуже. Под конец певцы и певицы распелись, и было совсем недурно. Правда, много было наивного и в декорациях, и в костюмах, и в приёмах. Вставные куплеты на злобу дня также были лишены особенного остроумия. Вроде: австрийцев и германцев все лупят; или вздохи на тему, как трудно прожить без водки¹ и т. д. Но, в общем, всё-таки лучше, чем я думал.

Это первый раз, что я вечером не дома, и, должно быть, это будет и последний раз. Всё-таки разве можно сравнить удовольствие, которое получаешь дома, сидя за хорошей книгой, с удовольствием сомнительного качества в неудобной чужой обстановке «Семейного сада»? Это мораль, которую я каждый раз извлекал из набегов в аквариумы, эрмитажи и т.п. <...>

Присылаю тебе имеющиеся фотографии и образчик современного публицистического стиля, извлечённый из фельетона Т. Ардова в «Утре России»². Кажется, в красноречии дальше ехать некуда.

Фактическая поправка: немцы обвиняют в зверствах пока не русских, а только французов и бельгийцев. Моя точка зрения тебе известна: всегда вражеская сторона в последние войны обвинялась в зверствах. Единичные факты всегда возможны и, несомненно, имеют место и с той, и с другой стороны. Такова человеческая природа. В систематические, так сказать, официальные зверства я не верю, сколько бы ни писали об этом. Это, во-первых, бесцельно, а, во-вторых, глупо, так как может заставить противника отплачивать систематически тем же.

---

¹ Ещё 19 июля 1914 г. в России был введён «сухой закон». Продажа алкогольных напитков разрешалась только в ресторанах. Их потребление по стране снизилось более чем в 10 раз.

² В письмо вложена вырезка: «Опаиваемый пивом, обкармливаемый колбасой и мясом немецкий мопс пухнул и хмелел из года в год, глаза его наливались кровью, и скоро вся Германия стала похожа на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом, пропахшую прогорклым вчерашним пивом. И гордо выставившую вперед живот. Вся Германия, — как та статуя Бисмарка, нелепый колосс, глупым пятном испортивший зелёную долину прекрасной реки; точно насосавшийся клоп, уселась она посреди Европы. — В глубоком опошлении, в последнем угашении духа, коллективная немецкая посредственность зачеркнула всё на свете, кроме “богатства” и “силы”, и сделала своим идеалом колониального “плантатора” из Камеруна, расстреливающего своих рабов, **Круппа** из Эссена и его великого кайзера, могущественного кайзера, этого Нибелунга двадцатого века, потомка “кровожадных азав”, едущего в автомобиле, рожок которого играет “шествие богов в Валгаллу”. Всё символично в этой Германии, от Вагнера до Цеппелина, похожего на обширную колбасу, и до открыток со свиным задом!»

Воронеж, 18 августа 1914 г.

Ну вот, Шурочка! А я тебя только что хвалил за спокойствие. А сегодня тон опять совсем пессимистический. Ах, твои быстрые переходы! Ну, ничего, это просто головная боль твоя опять изменила. <...> Ну, а относительно духовных причин твоего плохого настроения я тобой согласен. Что для многих коллег война — это только способ всякими путями урвать от казны лишний кусок, это верно¹.

Здесь у нас, например, большую роль играют так называемые «лошадиные деньги». Дело вот в чём: по мобилизационному плану полагается в каждый подвижный госпиталь по лошади на врача. Выдаются ему деньги на лошадь, на седло и, кроме того, ещё какие-то добавочные на седло, в общей сумме — 395 рублей. Подвижным госпиталям лошади необходимы, запасным же нет — нас будут перевозить по железной дороге. Поэтому в мобилизационном плане и указывается, что запасные госпитали получают только одну лошадь для телеги. Вот это и показалось многим врачам обидным. Отыскали какую-то не отменённую статью закона, по которой и нам следует получить по лошади, то есть *деньги* на лошадь и фуражное на неё довольствие, в размере полутора рублей в сутки. И вот многие старшие врачи запасных госпиталей выдали уже и себе (а им полагается 3 лошади, около 1000 рублей, коляска, упряжь) и своим ординаторам эти пресловутые «лошадиные деньги», и регулярно берут и фуражные деньги. Дескать, по закону полагается, почему не брать. Некоторые деньги пока хранят, до окончательного выяснения вопроса, а некоторые, ничтоже сумняшеся послали их уже домой.

Красиво, верно? А уж разговоров, разговоров сколько было! Во всяком случае, больше, чем о делах госпиталей. В нашем госпитале этот вопрос даже не поднимался. Если окажется, что нам полагаются лошади, я себе куплю, так как

---

¹ Настроение Ал.Ив. переменчиво. Только недавно, 11 августа, она писала: «Наконец, после двухдневного напряжённого ожидания раненых, сегодня мы их увидели. Привезено их 101 человек в 10 часов вечера. Ещё издали слышались тягучие рожки автомобилей. И какое же особенное волнение при виде многочисленных мчавшихся с огнями и флагами Красного Креста автомобилей. Почувствовали веяние войны. Раны довольно лёгкие, главным образом в области конечностей. Перевязывали все ассистенты и наши хирурги. К 12 часам всё уже было сделано: солдаты перевязаны, накормлены, переодеты и уложены. — И знаешь, Ёжичка, какая сплочённость и солидарность чувствовались в это время. Дедушка [*главврач Морозовской больницы Н.Н. Алексеев*] порхал, и взор его был светел и радостен. Не правы те, кто обвиняет нас в специфичности и узости. Ведь разве можем мы получить такое общественное воспитание, какое даётся вам благодаря гражданским обязанностям?» Но уже 14 августа она испытывает глубокое разочарование и пишет: «Особенно что-то тяжело сегодня. Уж очень приходится разочаровываться в том общественном подъёме, про который так усиленно пишут газеты. Вот, хотя бы взять оборудование госпиталей. Сколько за последнее время было разговору у наших старших врачей относительно массы работы по устройству этих госпиталей. Я сочувствовала им всей душой и готова была предложить свои услуги; думала — всё это святой безвозмездный порыв. А оказывается, эти госпитали просто-напросто лакомый кусочек для всех городских врачей, за который они очень жадно хватаются, забывая свой долг перед обычными своими больными. Ведь 125 рублей что-нибудь да значат. Простым же врачам, желающим только заниматься в госпитале, нечего туда и нос совать. Разве всё это не противно, Ёжичка? Война — это просто рентгеновские лучи для всего скверного в человечестве».

надоело пешком по грязи бегать в город и тратиться на извозчиков. Но получать фуражное довольствие на лошадь, не имея лошади! Бррр!

Вообще, Шуручка, я с тобой согласен, что порядочных людей не так уж много среди коллег; милые товарищи! Но всё же, Шуручка, не следует и разочаровываться во всём. Если нет сейчас, то будут. Дадим же пример, и только! <...>

Знаешь, Шуручка, какой я глупый?

Вот уже три недели сидим в Троицком, на самой его окраине, и только вчера мы втроём догадались пройтись и посмотреть, что за окрестности. И оказалось, что тут близко есть чудесные места. Воронеж стоит на горе, и кругом тоже холмы и долины. Вышли мы из села, подошли к железной дороге. Затем вдоль полотна шли версты две или три: насыпь высокая, а с неё прекрасный вид на обе стороны: долины, леса, справа — река Воронеж, а вдали на другом холме виден Воронеж. И у самого горизонта — уходящий вдаль, на Ростов, поезд. Погода прекрасная.

Затем свернули влево и через поля добрались до рощицы, где под высокими дубами и отдохнули.

Как бесплатное приложение к этому письму прилагаю листочек с одного из этих дубов. Посмотри на него с грустью, с надеждой, с верой в будущее. Придёт опять наше время, когда мы с тобой будем гулять вдвоём, придёт опять наш «остров Нагу».

Кончилось наше сиденье под дубами большим сражением желудями, причём я потерпел поражение и удрал в лес, красивый лиственный лес. Там мы опять соединились и наткнулись на фруктовый сад. Там у старика купили яблок и груш, перебрасывались тыквами и вообще вели себя непринуждённо. На обратном пути попали в красивую долину: по обе стороны холмы, покрытые лесом. Затем прошли мимо тихого пруда при вечернем закате. Было очень красиво и тихо-тихо. Людей почти не было. Попались только четыре семинариста, очень красиво певшие хором «Из страны, страны далёкой», «Стоит на Волге утёс» и т. д. И тенор, и бас были великолепны. И всё, Шуручка, думалось, почему тебя нет. Было так хорошо, а как хорошо было бы с тобой!

Воронеж, 19 августа 1914 г.

Медицинское имущество мы сегодня окончательно получим. Из 18 ящиков имеем 17. Завтра думаем объявить рапортом заведующему формированием, что госпиталь 253 готов. Даже резиновые изделия мы получили здесь, в Воронеже, хотя и не все, и не всегда такого качества, как нужно. Теперь, я думаю, можно уже с большой долей вероятности сказать, что на днях выступаем. Всё-таки, должно быть, в Бар. Главный врач из Петербурга что-то долго едет; пока у нас ещё Зайцев.

Сегодня мы получаем жалованье. На мою долю 131 рубль, но говорят, что Левитский что-то напутал, и что мы должны получать больше. Себе, как старшему ординатору, он высчитал около 300 р. Высчитывать приходилось по всяким законам, и разобраться в них не так уж легко. Как бы то ни было, завтра я отдам Ал.Аф. 35 рублей и тебе пришлю остальные 30 рублей (ведь 25 р. ты получила?). <...> Хочу кстати послать и 20 рублей сестре, чтобы заодно уж отделаться от долгов. Останется портной, которому я 51 р. пришлю по получке следующего

жалованья. Когда мы отсюда тронемся, то нам опять выдадут какие-то прогонные и увеличенные суточные. Так что, я думаю, месяц я проживу.

Неинтересно, верно? Ну, ничего, приходится иной раз и такими скучными вещами заниматься.

Позабыл тебе писать, что книги, купленные мною у Кутьки — это: проф. F. Lejars: «Хирургическая помощь в неотложных случаях» в двух толстых томах издания Карцева. Хвалят, но я ещё не начинал читать, так как увлёкся следующим томом писем Чехова периода поездки на Сахалин. Читай, Шурочка, читай! Удивительно у него правильное (на мой взгляд) мнение о людях, и как он ненавидел всё мелочное и пошлое, не словами только, но всем своим нутром. А если кого полюбит, какое удивительно хорошее отношение, какая вера (например, к Суворину). Нет, положительно большое наслаждение я получаю от этих томов.

Воронеж, 21 августа 1914 г.

Шурочка, я угнетён! Рука моя дрожит, туман застилает мне взор, мороз пробегает по спине! Нет, кроме шуток, случилось нечто весьма неприятное: вчера приехал из Петербурга наш новый главный врач и произвёл на всех нас весьма неприятное впечатление.

Так как большинство госпиталей объявило себя готовыми, а из Москвы нашему заведующему формированием (очень милому человеку) прислали нагоняй за то, что дело плохо налаживается, и приказали нам сейчас же выступить, — мы вечером всем составом пошли на сборный пункт узнать, к какому часу нам комендант станции приготовит эшелон. Пока мы там сидели и болтали, внезапно быстрым шагом вошёл среднего роста и возраста военный врач в походном снаряжении (для ча?), в золотых очках, с маленькой, à la Napoleon III, чёрной бородкой и острыми колющими глазами. Вошёл и быстро стал обходить всех, здороваясь и представляясь Марковым. Мы знали, что к нам должен приехать именно Марков, спросили, к нам ли он приехал, и вот познакомились. Скороговоркой, резким голосом он стал расспрашивать Зайцева о делах госпиталя, постоянно его нетерпеливо перебивая: я знаю, знаю. В общем, такой тон, который мы тут ещё не слыхали ни от кого. Военных врачей здесь много, однако, никто из них здесь начальством себя не держал. Чин у него не выше других главных врачей, но говорят, что он служил в Петербурге у крупного медицинского инспектора или что-то в этом роде. Одним словом, чувствует себя шишкой, с твёрдой почвой под ногами. «Как Ваша фамилия?», «А Ваша?» и т. д. Всё это говорится начальственным отрывистым, не терпящим возражений тоном.

Может быть, первое впечатление хуже, чем окажется на самом деле, но пока мы, словно с рая на землю свалились. Чувствуем себя более поражёнными, чем при прочтении о нашем поражении в Восточной Пруссии¹. Там-то ведь дело поправимо, а здесь? Только ты, Шурочка, не удручайся; может быть, он окажется неплохим. Ведь бывает же у некоторых людей неприятный тон, несмотря на то,

---

¹ Наступательная операция Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии потерпела неудачу. 2-я армия под командованием генерала от кавалерии А.В. Самсонова была окружена и понесла огромные потери, командарм Самсонов застрелился. 17 августа русские войска отошли за р. Нарев.

что они недурны. В крайнем случае, если он формалист и чиновник, то можно себя обставить формально, чтобы придаться было не к чему. Товарищеских отношений с ним не будет, но зато они имеются с другими коллегами <...>

Уедем мы, должно быть, сегодня; извещу тебя телеграммой. Пишу рано утром. В 9 часов к нам придут Марков и Зайцев и сдадут один другому свои обязанности.

Наше поражение меня сильно огорчило. Неужели и теперь у нас там царит халатность? Ведь чтобы уничтожить штаб, надо было обойти корпуса сзади! Они зевали, и их обошли! Неужели мы всё ещё не доросли. Нет, нам превосходством своей культуры ещё рано кичиться. Верно?

Воронеж, 22 августа 1914 г.

Был вчера у нас в канцелярии главный врач и принимал дела от Фёдора Александровича. Был он, хотя и страшен, но и смешон: очевидно, проштудировал перед отъездом из Петербурга все подходящие статьи закона, всё это у него в голове перепуталось, и поэтому, несмотря на сильное желание подать вид, что он всё знает и всё видит, получилось впечатление обратное. Зайцев узнал, что он по окончании сразу же получил место в медицинской канцелярии, и вообще человек с медициной общего весьма мало имеющий — попросту карьерист. Сейчас его начальство посадило на это хорошее местечко, где он может выдвинуться, чтобы после войны занимать уже более высокие должности. Зайцев находит, что так как он в медицине ничего не смыслит (он Зайцеву сам сказал что он «не хирург»), то наше дело выиграно, что мы его при некоторой ловкости будем держать в руках. Зайцев нам советует взяться смело за хирургию и импонировать ему этим. Я после разговора с главным врачом также вынес впечатление, что он не будет мною командовать. Горячо советую товарищам держаться более независимого тона с ним и не давать ему возможности быть слишком о себе высокого мнения (боязнь начальства всё-таки глубоко вкоренилась в русского человека!). Так что, Шурочка, ты не унывай; твой Ёжка не даст себя согнуть в бараний рог и будет достоин своей Шурочки.

А я, Шурочка, должен прочесть тебе маленькую нотацию: неужели ты думаешь, что я могу постепенно писать тебе всё реже и реже?! Ведь мне, Шурочка, обидно это читать! Больше ничего не скажу...

А, может быть, письма плохо доходят? Я как-то раз не писал два дня подряд, затем 5 дней писал, а потом третьего дня опять пропустил день. Шурочка, ведь мы живём здесь втроём в одной тесной комнате, а почта от нас далека! Бывает иной условия, правда, весьма неблагоприятные для писания! Не будь так строга! Знай, Шурочка, что я всегда с тобой, даже если иной раз и пройдёт день без письма! Твой Ёжка.

Погода свежая, но ясная; изредка дождевые тучи. Были опять в фруктовом саду; снимал, но ещё не проявил. Были с Зайцевым.

Вчера мы не уехали, не уедем и сегодня; мы попали в последнюю очередь. Вчера отправились 6 госпиталей, между прочим, и Алексей Афанасьевич. Сегодня отправится ещё 8 госпиталей; а мы, должно быть, завтра или самое позднее послезавтра. В Бар адресуй тоже пока «до востребования». Если не получу, то сообщу. От матери уже две недели нет известий! Письма не доходят?

Воронеж, 23 августа 1914 г.

Сегодня наконец выяснилось, что мы непременно поедем не позже завтрашнего дня, может быть, даже сегодня ночью. Эшелон уже назначен, мы только ещё не справились относительно часа отъезда. Вечером всё будет известно. Пойду на почтаamt, брошу это письмо и пошлю тебе и своим телеграмму: едем Бар. Вчера и сегодня я от тебя писем не получал. Оставляю заявление, чтобы мне письма пересылалась в Бар «до востребования». <...> Если необходимо адресовать «в действующую армию», то тотчас же уведомялю.

Наконец-то! Последние дни стало совсем нудно сидеть здесь без дела. Товарища почти все уже уехали, дождь сегодня с утра, грязь непролазная. Холодно! Одно стекло в раме у нас выбито, и ветер ночью так и гуляет себе по нашим спинам. Некому согреть!

Вчера вечером получил письмо от Эдит. Оказывается, что Лени всё ещё сидит в Париже. Дома получили от неё запоздавшие открытки, в которых она пишет, что madame, у которой она остановилась, очень любезна и предлагает ей жить у неё всё время войны, даже если у неё иссякнут средства; после войны де оплатит. Всё это, конечно, очень хорошо, но ведь германцы уже подходят к Парижу, и мирное население оттуда бежит! Где она останется теперь? Эдит пишет, что мать сильно беспокоится, похудела, волнуется, а вообще чувствует себя очень скверно.

К тому же Карлушка поднёс сюрприз: провалился на переэкзаменовке по математике. Родители потеряли голову и взяли его из гимназии! <...> Три старших брата и сама Эдит продолжают регулярно работать, но общий дух угнетённый. Лени место учительницы французского языка, которое ей было обещано весной, конечно, тоже потеряла. В общем, печально; отрадного в письме Эдит ничего не нашёл.

Господи, как много горя приносит эта война. Если вдуматься, то всё, о чём читаешь в газетах, — не только то, что делается на «театре военных действий», — сплошной ужас! Люди стали говорить совсем другим языком. То, что казалось нерушимым, разлетается в два дня. Все культурные устои — насмарку, повсюду одичание и озверение. Где же наша хвалёная европейская культура? Какое взаимное ожесточение! Какая ненависть друг к другу, к людям, которые тебе никакого зла не сделали, которые случайно принадлежат к другой национальности! Мы, Шурочка, с тобой не поддадимся. Мы найдём в себе достаточно твёрдые устои, верно?

Воронеж, 24 августа 1914 г.

Я тебе вчера послал телеграмму: «едем Бар», чтобы ты сюда больше не писала (как бы цензура не задержала телеграмму?), однако мы ни вчера, ни сегодня не поехали, а тронемся только завтра. Несмотря на отданный приказ, несмотря на то, что сегодня выезжает последняя партия госпиталей, наш главный не торопится. С трудом его сегодня утром уломали ехать завтра вечером. <...>

Пиши мне, пожалуйста, в Бар сначала два письма по разному адресу одновременно: одно «до востребования», а другое «Действующая армия, 253 запасный полевой госпиталь, ординатору такому-то». Посмотрим, какое из них дойдёт, и что скорее.

Вчера были в бане, а потом сидели и пили чай у Зайцева. Много говорили о Морозовской больнице, характере Николая Николаевича, Вл.Ал., Бор. Абр.¹ Мне очень интересно было слышать его мнение. Он сам говорит, что его долго принимали за студента и отказывались верить тому, что он опытный врач. У него неиссякаемая энергия, удивительная простота общения. Он может дурачиться как мальчик, и вместе чувствуется, что он человек много работающий и знающий. Чем больше я его узнаю, тем больше он мне нравится. Его здесь упразднили, послали телеграмму в Москву, и он уже твёрдо рассчитывал, что поедет домой и поступит в Красный Крест. И вот сегодня оттуда телеграмма: Зайцев назначается временным главным врачом предполагаемых формироваться в Воронеже эвакуационных госпиталей. Одним словом, жди здесь у моря погоды. «Временным», «предполагаемых»!! Бедный! А он так надеялся!

Наш главный мне уже совсем не страшен. Это всё потуги казаться страшным. Меня он не съест. Я в нём вижу больше смешного.

Лошадиные деньги мы не получаем, слава Богу! Многие останутся с носом. Ем ежедневно около 20 яблок, пожираю арбузы. <...> Столуемся вместе с сёстрами дома. Холодно! Изредка солнце, радуга.

Воронеж, 25 августа 1914 г.

А я начинаю киснуть, и нервы начинают трепаться. Как видишь, я тебе опять пишу из Воронежа — мы не поедem и сегодня; быть может, и совсем не поедem отсюда... Мы стоим на мёртвой точке. На неё попал Зайцев, попали теперь и мы. Когда мы вечером вчетвером (Зайцев, Левитский, Никольский², — зауряд-врач, и я) пошли в белый дом (сборный пункт) узнать, нет ли к вечеру каких-нибудь новостей, то узнали, что только что получена из Москвы телеграмма: запасные госпитали, ещё не уехавшие, задержать, немедленно развернуть; будут замещены формируемыми в Москве.

Нас как громом поразило, только Зайцев злорадствовал. Заведующий формированием сейчас же ответил в Москву, что только наш госпиталь в состоянии «развернуться», а другие, оставшиеся здесь, ждут медицинского и интендантского имущества. Так что мы ещё не теряем надежды. Может быть, сегодня будет получена телеграмма: свернуться и отправляться! Начинается недостойная комедия: свернуться и развернуться!..

Вы там, в Москве работаете, здесь в Воронеже тоже уже работают частные земские и городские госпитали. А мы: свернуться, развернуться! С тем ли мы приехали сюда? Того ли ждали? Сидеть всё время войны в Воронеже, в жалком (сравнительно с земскими), плохо оборудованном госпитале, далеко от войны! Даже меня начинает разбирать что-то нехорошее.

Главный доволен, смеётся; трусит ехать на войну. Левитский после первого испуга быстро успокоился. Он выпишет жену и детей, будет недурно. Николь-

¹ Речь шла о директоре (главном враче) Морозовской больницы Николае Николаевиче Алексееве и старших врачах заразного отделения этой больницы Владимире Александровиче Колли и Борисе Абрамовиче Эгизе.

² Никольский — зауряд-врач.

ский недоволен: ведь жалование мы здесь будем получать по-мирному, 120 р., а он рассчитывал на все 150 р.

Сплюнуть хочется! Вот уже целый месяц мы живём здесь в грязи, спим на полу, нюхаем противную махорку, зябнем; вещи все раскиданы, нет элементарного приличия. Если всё это где-нибудь хотя бы в тылу армии, на месте живой нужной работы, то с восторгом мирился бы со всеми неудобствами. Но для того, чтобы «свернуться и развернуться», — слуга покорный. Общественные учреждения давно сформировали всё нужное, а мы никак не можем получить ни медицинских предметов, ни ещё чего-нибудь. Позор!

Зато как у нас канцелярия поставлена! Сколько бумаги уже ушло, сколько толстых прошнурованных книг написано! Работа кипит там с утра до вечера. Четыре писца скрипят перьями и пишут, пишут, пишут. Мы просрачиваем, просрачиваем, просрачиваем¹. Всякие события идут мимо нас. Мы запоздалые зрители, через головы других стремящиеся кое-что увидеть из того, что творится там, на «театре» военных действий! Эх!..

Сегодня будем выжидать. Если не будет отмены, то придётся устраиваться здесь. Переедем в Воронеж, где нам отдадут, должно быть, под госпиталь и квартиры гостиницу «Франция». Единственный плюс, что будешь жить в приличной обстановке. Но стоило ли для этого из Москвы переезжать в Воронеж, от неизмеримо лучшего к худшему?!

Французским языком, Шурочка, я последнюю неделю заниматься не мог, не до того было. Нет достаточного спокойствия. Нет ничего более деморализующего, как неизвестность.

А сегодня, после последних дождей, как раз чудесная погода: небо синее, тучки пышные белые, даже как будто теплее стало.

А здесь на вокзале какой-то серый мужик ударил высунувшего голову из окна вагона пленного австрийского офицера! А проезжавшие пленные германские офицера не отдали честь коменданту станции, за что переведены из второго в третий класс! Какое общее огрубение нравов, какая дикость!

Как симпатична сегодняшняя перепечатка из английского журнала (№ 194 «Русских ведомостей») «Цели войны». Насколько выше, всё-таки, культура у англичан! И как недоказательна и бледна статья А. Толстого «Париж!». Почему Макс Вук, немецкий буржуй, должен непременно превратиться в дикого зверя, а французский буржуй, сняв маску, оказывается героем?! Где же тут справедливость, где психология и логика?

А верно, Шурочка, чудно. Ведь ты мне гвоздики прислала, когда ещё не получила моего дубового листка? Какое знаменательное совпадение. Мы думаем об одном и том же.

Воронеж, 26 августа 1914 г.

Не послал я тебе вчера телеграммы, что наш отъезд отменён, потому что мы каждый момент можем получить обратный приказ. Оказывается, что нас здесь осталось не четыре, а шесть госпиталей, причём возможно, что в Москве пред-

¹ Излюбленное словечко Фр.Оск., позаимствованное у А.Ф. Кони («А он всё просрачивает и просрачивает»).

полагали, что нас здесь уже нет. Сегодня из Москвы снова запрос, какие №№ находятся здесь. Очень возможно, что мы завтра всё-таки выступим, только не в Бар, где мы уже не нужны, а к самой австрийской границе или даже в Австрию. Есть указания и на это. А пока мы сегодня у городской управы требуем помещения в городе для госпиталя, и, если не будет отмены, то завтра или послезавтра развернёмся здесь. Как только окончательно выяснится, что мы едем, я тебе pošлю телеграмму: «едем действующую армию». Туда и адресуй. А пока пиши мне сюда, как раньше. Я попрошу Зайцева переслать мне те письма, которые меня здесь не застанут.

Главный мне ликующе сообщил, что имеется приятная новость. Я думал, что нам ехать. Нет, Боже сохрани! Нам прибавили какие-то продовольственные деньги. Около этого вопроса всё вертится, и это больше всего захватывает. На сегодня он мне дал поручение: во-первых, проверить знание ротных фельдшеров, во-вторых, выбрать из команды подходящих санитаров и обучить их, и, в-третьих, вразумить всю команду, чтобы не пила сырой воды и не жрала (pardon) сырых земных фруктов. Сегодня у одного объявился кровавый понос. После обеда мы с Левитским этим и займёмся.

Сегодня тепло, ясно, солнышко даже греет.

Читала официальное сообщение о жестокостях германского населения по отношению к русским? Целый ряд проверенных фактов! Как гнусна везде бывает толпа! Плевки в лицо, удары палками беззащитных людей! Какая гнусность! Впрочем, я убеждён, что не везде толпа бывает таковой. Ни в Швеции, ни в Норвегии, ни в Финляндии это невозможно. И знаешь, Шурочка, почему главным образом там культура более достойная? Потому, что почти совершенно запрещён алкоголь! Нет этого разъедающего и деморализирующего его воздействия. И если, Шурочка, у нас последствием войны будет полное его запрещение, то война для России будет великое благо, с избытком искупающее всё настоящее горе. Как ты думаешь, Шурочка? Ведь и туберкулёз, и сифилис тогда не будут уже так страшны, не будет почвы. Появится бодрость и сила северных народов. Тогда только мы будем истинно великим народом! Для меня всё-таки Скандинавия во многом образец. И наша, и западная культура во многом всё-таки гнила.

Воронеж, 27 августа 1914 г.

Наше положение становится всё глупее и глупее. Вчера наш главный поехал с заведующим формированием в город подыскивать нам помещение. Приехали в городскую управу, а там от городского головы ответ: мы этим теперь не заведует, обратитесь в губернскую управу. Поехали туда. Ответ: мы перестали этим заведовать, обратитесь в земскую управу. Там ответ: обратитесь в эвакуационный комитет, мы ему передали эти функции. А этот пресловутый эвакуационный комитет состоит из одного капитана и одного поручика, которые, кроме своего назначения на эту должность, не получили ни сведений, ни средств, ни полномочий. Они должны были бы направлять раненых в пресловутый «предполагаемый эвакуационный госпиталь», одним из главных врачей которого уже назначен Фёд. Ал. Но его нет, он даже не начал ещё формироваться. Вообще о нём сведений никаких, ведь он только «предполагается»! И вот эти два бедных офицера направляют всех в городской и земский комитеты, которые тоже снабжены всем

недостаточно, а раненым офицерам даётся совет устроиться у родных и знакомых. Беспорядок и неразбериха отчаянные!

Пока всё ещё сидим и будем сидеть в Троицкой Слободе.

Зайцев передаёт со слов раненых офицеров, что отношение полковых врачей на поле битвы безукоризненное, полное самопожертвование, но чем дальше вглубь России, тем хуже отношение. Врачи всюду занимались только флиртом с сёстрами милосердия. Они возмущены до глубины души. А здесь им дают совет ехать домой! В дороге их, раненых и больных, уже в России, иной раз в сутки не кормили, и им приходилось просить у сопровождавших их солдат уделить им шей и хлеба! К станции их не подвозили, а оставляли где-нибудь на стрелке. Зато пленные австрийцы всегда подвозились к станциям, где их щедро наделяли всевозможными припасами. В особенности местные дамы отличались своей любезностью по отношению к пленным, прямо противно, а своих забывали. Даже тут на первом плане видимость, для заграницы! Ну, их!

Гуляли мы вчера за городом в парке садоводства и лесоводства. Чудесные осенние пейзажи, свежий ветер. Жёлтые и красные листья шуршат, когда ходишь. Почему тебя нет со мной? Поднялись выше в большой фруктовый сад. Видели, как добывали яблочный сок, как готовили пастилу и цукаты. Как вкусно пахло! Купили пастилы и заказали яблок и груш. Сегодня послали солдат. Принесли нам громадный мешок — три меры чудесных фруктов. Мера — 80 коп. В комнате, пока пишу, сильно пахнет свежими яблоками и грушами. Осенний бодрый запах!

Шурочка, я хочу к тебе. Почему нельзя? Так глупо, глупо. <...>

Погода чудесная. Стало опять тепло. Сегодня опять начну заниматься французским языком.

Мух у нас видимо-невидимо. Чехов в своих письмах утверждает, что они воздух очищают, но у нас этого что-то не видно. Спать не дают, черти.

Воронеж, 29 августа 1914 г.

Скоро 2 сентября, будет год, как мы с тобой гуляли в Петровском-Разумовском!¹ Как наша кривая? Благополучно поднимается, не правда ли? Лишний вопрос. <...>

А у нас луч надежды, что мы всё-таки отправимся отсюда. И скоро отправимся. Дело в том, что четырём госпиталям здесь прислано всё недостающее интендантское имущество. Мы готовы, и снова сегодня посылаем телеграмму в Москву с извещением об этом. А, так как мы здесь не развернулись, и нового приказа об этом не получали, то мы весьма сильно надеемся, что завтра будет получен ответ с приказанием уехать отсюда на театр военных действий. Здесь кто-то из назначенных по плану в Гомель получил новый приказ поехать прямо к границе Австрии. Мы тоже надеемся, что нас отправят сразу дальше (то есть наш главный этого боится!). А пока всё — *idem*.

Вчера был в городе, проявлял пластинки, сделал несколько закупок. Затем Фёдор Алекс. потащил в баню, а вечером засадили меня за пулюку. Сел я, поверь,

---

¹ Важная семейная дата: день взаимного признания влюблённых (2 сентября 1913 г.). Этот день стал для них ежегодным семейным праздником.

без всякой охоты; результат обычный. Впрочем, не думай, что мы часто играем, после приезда из Москвы первый раз. <...>

Главного почти не вижу — не хожу в канцелярию. За полторы недели видел раза три. — Масса яблок и груш. 100 помидор — 11 коп.

Воронеж, 30 августа 1914 г.

Всё-таки пока остаёмся в Воронеже. Только что получена телеграмма из Москвы с приказанием немедленно здесь развернуться четырёх запасным госпиталям, в том числе и нашему. Очевидно, нас здесь задержат вплоть до формирования предполагаемых эвакуационных госпиталей. Завтра утром энергично будем себе искать помещение, должно быть, «Францию», а к вечеру начнём перебираться. Если не завтра, то уж непременно послезавтра, на этот раз серьёзно. Итак, суждены нам благие порывы! По крайней мере, хоть мать останется довольна, что я вне опасности; она так надеялась, что я останусь в Воронеже.

Неужели здесь моя работа более нужна, чем была в Морозовской больнице!? Как это всё нелепо. <...>

Что значит твоя таинственная фраза о том, что мы, может быть, скоро увидимся? Шурочка, что мне это очень, очень хочется, в этом ты не сомневаешься, но ради Бога, не предпринимай никаких поспешных шагов, не посоветовавшись со мной, прошу тебя, Шурочка. Не надо ради, может быть, мимолётного настоящего расстроить долгое будущее. <...> Вот как кончим стаж в Морозовской больнице, тогда, Шурочка, нас уж не разлучить так легко, верно? Придёт и наше время.

Пишу тебе вечером. Ждём выяснения нашего положения, телеграммы. А сейчас кругом меня сидят, разговаривают, мешают. Болит голова от жирного обеда (прости натурализм). Вот видишь, как мы здесь живём. Во «Франции», должно быть, дадут отдельную комнату; дай Бог!

Вчера вечером наши от нечего делать опять были в городе, в «Бристоле», ели, пили. Я категорически отказался и в 9 часов лёг спать. Вот какое примерное поведение! Сегодня кончил четвёртый том Чехова, занимался печатаньем фотографий; завтра пришло.

Очень доволен, что в «Русских ведомостях» опять стал печататься Гроссман, живший в Берлине и оттуда писавший¹. Он много лет жил в Германии, знает её хорошо, и будет писать беспристрастно. Но какое и там озлобление! Те факты, на которые указывает Кизеветтер², конечно, нелепы (не переводить вражеских авторов, сложение учёных званий), но всё-таки язык его чересчур резок. Если вдуматься в психологию германцев, привыкших видеть своё отечество великим и видящих неминуемую гибель его не от большей доблести врага, а от его подавляющей численности, от того, что все соединились против двух (даже японцы пользуются!) — становятся немного понятными и эти нелепости. Каково настроение там, в Германии, об этом даёт некоторое понятие последняя телеграмма, хотя

---

¹ Гроссман Григорий Александрович (Рувим Алтерович) (1863 — после 1917) — публицист, политический деятель, переводчик, сотрудник берлинского корпункта «Русских ведомостей».

² Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк, публицист, видный член кадетской партии.

и краткая, Гроссмана от 29 августа. Много нелепостей и дикостей совершается сейчас со всех сторон, такова уж поганая психология войны. К протесту же врачей, если только он будет обоснован фактами, я присоединюсь горячо! Врач обязан быть, прежде всего, врачом!..

Воронеж, 31 августа 1914 г.

Вчера вечером, Шурочка, когда я писал письмо, я никак не ожидал, что пошлю его с оказией. Только что я запечатал и наклеил марку, как входит Фёд.Алекс. [Зайцев] и сообщает, что сейчас же едет в Москву, не будет ли каких поручений. Вот я ему и отдал письмо вместе с томом Чехова. Завтра всё уже должно быть в твоих руках.

А наш главный — это полное ничтожество. Получил он вместе с другими главными врачами вчера приказ от заведующего формированием подыскать помещение для госпиталя, непременно сегодня утром. Он выразил полное усердие и готовность. А сегодня пришёл сюда в канцелярию в 11 часов. Мы думали, что он нам сообщит, куда ехать. Ничуть не бывало! Здесь он заявляет, что это не его дело искать помещение для госпиталя. Это, дескать, дело заведующего формированием! А между тем другой главный врач утром уже занял лучшее помещение — гостиницу «Франция». За что нас Господь наказал таким болваном! А ведь он считает, что он работает: каждый день он сидит в канцелярии и в двадцатый раз переписывает старые приказы. Перепишет, не понравится что-нибудь, снова зачеркнёт, и так до бесконечности. Даже по канцелярской части он глуп. Левитский говорит, что самых простых счетов он не сразу понимает, соображает плохо. Прямо беда. Я к нему в канцелярию не хожу, вижу его случайно и редко, от греха подальше. А на сборном пункте он кричит назойливо, громче всех, либеральничает, проходится на счёт начальства, острит глупо. Одним словом, полное ничтожество.

Выберемся ли мы когда-нибудь из Троицкого при этом милом человеке? Кто его знает. Перестаёшь верить. Кажется, что вот ещё долго так будет проходить один день за другим без дела, когда дела много, когда работа не ждёт. Эх, Шурочка! Нехорошо! <...>

Борису Абрамовичу я не пишу, потому что хочется ему сообщить что-нибудь положительное о нашей работе. А между тем мы здесь ничего не делаем. Совестно даже писать «с войны». Передай ему, пожалуйста, мой привет и объясни моё молчание: совестно, дескать.

У нас опять лето. Стало тепло, сухо; солнце. Природа ликует, и не вяжется это совсем с теми вестями, которые идут с театра войны. Там разрушения, ужас, смерть... Когда читаешь цифры, то не страшно, но рассказы очевидцев по своей простоте и непосредственности весьма убедительны. И французы, и наши наступают; может быть, к Рождеству конец? Какое бы счастье!

Воронеж, 1 сентября 1914 г.

Я тоже начинаю понимать настроение Вильяма. Я тоже чувствую себя в положении человека, стоящего в грязной луже и обливаемого густой грязью¹.

¹ На это Ал.Ив. отвечала в письме 4 сентября: «Я согласна, милый, что газеты теперь вызывают одну горечь, одно страдание, но ты, — слышишь, Ёжик, — ты не должен чув-

Передо мной лежит воскресный номер «Русских ведомостей». Я его внимательно прочёл. Ряд статей, в которых громко говорится о культуре, прогрессе, человечестве... Первое впечатление как будто бы ничего: в передовице говорится, что мы воюем только с милитаризмом и шовинизмом, и что мы хотим победить только для того, чтобы водворить в Европе прочный мир и обеспечить господство начал права и свободы! Кизеветтер мямлит что-то: вера в человечество есть наша духовная опора при всех разочарованиях в его отдельных представителях. Письмо в редакцию Фатова¹ доказывает (очевидно, необходимо это доказывать!), что нет искусства, нет науки врагов, а есть науки и искусство единого культурного человечества. Плетнёв² тоже доказывает, что немецкие фармацевтические препараты бойкотировать не следует (и это надо доказывать!). Всё как будто обстоит благополучно. А если разобраться подробней?

Это из передовицы [*вклеена вырезка*]: «[герман]ской культуре, — национальное самодовольство, национальную исключительность, узость, стремление к всемирной гегемонии и презрение к праву».

Эти четыре вырезки из статьи Игнатова:

«...все усилия ума, все успехи науки, всю энергию национальной воли Германия в течение многих лет стремилась перелить в чудовищную пушку, в блиндированный автомобиль с пулемётами, рассылающими смерть, в бомбу, могущую разрушить драгоценности искусства, все мирные приобретения цивилизации»

«простая встреча и мирная беседа с немцем казалась изменой родине»

«представить себе опять высокомерного юнкера на улицах Парижа, видеть торжество прусской солдатчины, прусского духа было невыносимо: это было бы новое оскорбление человечества, новый вызов человечности»

«Дух насилия, распространяемый и поддерживаемый Германией, был оскорблением для всего человечества»³

Это из Кизеветтера [*вырезки*]:

«...денткой, в виду разочарования теми передовыми элементами немецкой интеллигенции, которые почитались светочами культуры»

«всеми замечалось. Взрезали нарыв, и вышел гной. И пусть он выходит».

Это Д. Плетнёв [*вырезка*]: «Среди общества появляется вполне законное желание бойкота немецких товаров».

Письмо в редакцию Фатова [*вырезка*]:

«Там совершаются дела, о которых, казалось, человечество давно забыло: там новые гунны разрушили Лувен, там новый Омар уничтожил ценнейшую библиотеку, там сокровища Лувра прячутся в стальные ящики».

ствовать себя как Вильям. Все, кто тебя знает и узнает ещё, будут [*к тебе*] относиться всегда хорошо, и я всегда, всегда душой с тобой».

¹ Фатов Николай Николаевич (1887–1963) — литературовед, впоследствии профессор.

² Плетнёв Дмитрий Дмитриевич (1871/72–1941) — профессор Высших женских курсов в Москве (и позднее — 1-го МГУ), публицист, кадет, выдающийся советский врач-кардиолог, основатель отечественной кардиологии, директор НИИ диагностики и экспериментальной терапии, врач Кремлёвской больницы. В 1937 г. был арестован как троцкист, приговорён к 25 годам заключения, расстрелян.

³ Игнатов Илья Николаевич (1856–1921) — литератор, многолетний сотрудник «Русских ведомостей».

Это из беседы с товарищем министра [*народного просвещения*] Таубе¹ [*вырезки*]:

«над этим возмущением всего цивилизованного мира против германской вакханалии вооруженного насилия»

«надругательством над мирным населением, попранием права частной собственности, разрушением без всякой военной надобности памятников культуры, и другими грубейшими нарушениями общепризнанного права современной войны, — всеми этими варварствами Германия поставила себя вне группы цивилизованных стран. Сравнивая, например, вандализм Германии...»

А вот в просвещённой газете сообщение, рассчитанное на глупейшее невежество [*вырезка*]:

«Лондон, 30-го августа. «Daily News» печатает рассказ сёстры милосердия американского Красного Креста, захваченной в плен германцами в Брюсселе вместе с бельгийским госпиталем и впоследствии отпущенной на свободу. Сестра сообщает, что видела, как в бельгийской деревне пьяные германцы, собрав приблизительно 35 бельгийских детей, развлекались подбрасыванием их на штыки».

Если к этому прибавить вчерашнее сообщение, что германцы отравляли колдцы, то мы не далеко будем от психологии холерных бунтов!

Итак, с одной стороны, красивые слова: культура, прогресс, человечество; с другой стороны, приписывание немцам всего плохого, гнусного, вплоть до явно нелепого; полное нежелание и неумение вдуматься в психологию неприятеля, который знает, что он борется за своё существование против в десять раз более сильного врага; и, в-третьих, у себя дома приходится доказывать, что немецкие пьесы ставить можно, что можно изучать даже немецкую науку и покупать немецкие фармацевтические препараты, и что даже принадлежность к еванг[елическо]-реформ[атскому] вероисповеданию ещё не делает человека неспособным к подаче помощи раненым (см. письмо в редакцию в том же воскресном номере). Не поздоровится от такой защиты! Какое презрение, какая ненависть!

Я начинаю верить, что мы, русские подданные немецкой национальности, скоро в России окажемся в положении затравленных. Ведь писала же жена Зайцева, что она видела в Москве в трамвае: некий тип избил двух немцев за то, что они громко разговаривали на родном языке!²

А читай в списках убитых и раненых, — как много там немецких имён и фамилий! Да, нехорошо, Шурочка! Выходит так, что мы сейчас являемся какими-то париями человеческого рода, от которых надо сторониться, на которых указывают детям: не будьте такими, как они!

В частности, относительно поступка Геккеля и других учёных³. Шурочка, я хорошо знаю биографию Геккеля⁴: нет пятна на жизни его. Он ученик Дарвина, всегда горячо ратовавший в Германии за английскую науку, человек, чуждый вся-

¹ Таубе Михаил Александрович (1868—1962) — барон, юрист.

² В Москве в магазинах по распоряжению городской управы появились объявления: «Просим не говорить по-немецки».

³ Имеется в виду отказ немецких учёных от своих иностранных учёных степеней.

⁴ Геккель, Эрнст (1834—1919) — крупнейший немецкий естествоиспытатель и философ.

кого национального обособления, тем паче шовинизма, всю свою долгую жизнь борющийся с всякой реакцией, всякой рутинной. Непримируемый враг прусско-юнкерства и милитаризма, не раз пострадавший за прямоту своих суждений. И это знал Кизеветтер! И если такой человек отказывается от своих иностранных учёных степеней, то нельзя это назвать просто мелким шовинизмом и выставить его у позорного столба. Надо вдуматься в его психологию, надо стараться разобрать, какой душевный переворот мог его заставить решиться на такой поступок. Но Кизеветтер сознательно этого не сделал. Он просто обрушился с бранью и язвительной иронией на седую голову, такого отношения не заслужившую. <...>

Ты говоришь, что волна человеконенавистничества как будто отхлынула? Нет, Шуручка, наоборот, она медленно захватывает и наши передовые интеллигентские круги, она разливается повсюду, и потому менее резко выделяется на общем фоне. Люди сами не замечают, как они постепенно отравляются этим ядом, который широко разлит по всем газетным столбцам и оттуда проникает в массы. Атмосфера сгущается. И надо быть сильным и бодрым, чтобы не дать себя отравить удушливыми миазмами.

Прости несколько лирические выражения, но, правда, они невольно срываются. Тяжело стало жить, Шуручка. Ты даже не подозреваешь, какая это поддержка, знать, что есть такой человек, который тебя всегда, всегда поймёт.

Воронеж, 2 сентября 1914 г.

С праздником, Шуручка дорогая моя! С первым нашим юбилеем! <...> Я с утра решил праздновать. Надел всё чистое, побрился и стал гладким, как огурчик. Днём чувствовал себя именинником, но никто этого не заметил. А когда в 11 часов утра пришла твоя телеграмма, то я вздрогнул и почувствовал уже полный контакт с тобой. Спасибо тебе, Шуручка, большое спасибо. <...>

После обеда я тотчас же один пошёл гулять, захвативши все написанные моей Шуручкой мне письма. Как хороша сейчас природа: в поле ни души. Виден ясный далёкий горизонт. Свежий бодрящий ветер треплет тебя, воздух чистый, ароматный. А лесочек в лощинке? На тёмном зелёном фоне уже много светло-жёлтых и буро-красных деревьев. Под ногами шуршат сухие листья... Так хорошо!

Прилёг я на травке, вытащил пакет писем и перечитал их все с начала до конца. Какая смена настроений у моей Шуручки! Как она, бедная, мечется, сомневается, страдает! <...> Прочитавши письма, я долго ещё стоял в поле и любовался вечерним небом. Нежные бледные тона тихого осеннего заката. Так напоминало закаты на острове Нагу, те счастливые беззаботные, столь далёкие сейчас дни!

Воронеж, 3 сентября 1914 г.

Третий день нет от тебя письма. <...> Из Риги тоже давно уже нет известий. Что делает Лени в Париже? У нас — idem. Значит, «Францию» мы прозевали, а с тех пор, кроме разговоров, ничего. Послали наши старшие врачи телеграмму в Москву с запросом, как быть. Помещения, дескать, в Воронеже не отводят. Вчера оттуда получен ответ: подождать, пока не будет запрошен Петербург. Вот и ждём. Мы привыкли ждать, это наша обязанность в эту войну. Обязанность не лёгкая.

А во «Францию» вчера уже доставили 250 раненых; там работают. Мы всё просрачиваем... Сказка про белого бычка.

Вернулся вчера вечером Зайцев из Москвы. Вести от него тоже малоутешительные: канцелярщина, бумагопроизводство. С одной стороны, на одного врача приходится 300 раненых (Булашевич), с другой — 100 человек военных врачей не имеют дела в Москве, даром ходят! С одной стороны, призывают явно больных врачей, с другой — быки по здоровью (некие психиатры), побывав в неких кабинетах, освобождаются от призыва. И плохая организация, и явная недобросовестность. С одной стороны, прибывающих раненых богато наделяют всякими там фруктами и газетами, с другой — этих же раненых по многим дням не перевязывают за недостатком перевязочного материала... Повязки, наложенные на поле сражения, снимаются впервые в Москве. В итоге под повязкой гангрена целых конечностей. С одной стороны, санитарный поезд по последнему слову науки, есть и электрическое освещение и вентиляция, с другой — хирургические инструменты в том же поезде — оставшиеся от войны 1878-го года!! В общем, малоотрадная картина.

Беседовал Фёд.Ал. в поезде с одним раненым прапорщиком: он с увлечением рассказывал о том, как он скомандовал «вперёд» и бросился со своей ротой на австрийцев — у него задрожала челюсть, весь он затрясся, слова застредали в горле, — он не мог дальше. Насилу удалось его успокоить. Какое это должно быть нервное потрясение. Сколько психически ненормальных вернутся с войны! — А мы всё просрачиваем.

Шурочка, ты меня счастливей, ты можешь работать. Ты вносишь нечто своё в общее большое дело, а я вынужден бездельничать, я не имею права работать... Я даже не мечтаю теперь о том, чтобы быть ближе к самому театру военных действий. Нет, я буду доволен, когда хоть здесь, в Воронеже, мне дадут работу.

Говорят, пленные германцы на ходу поезда зарезали часового, за что повину их, через одного, расстреляли — ужас! А вот другая картинка: раненый прапорщик в поезде познакомился и подружился с пленным австрийским офицером. При прощании долго и усердно целовались. Да, война проявляет все хорошие и дурные инстинкты. Для психолога богатое поле для наблюдений!..

<...> Насчёт «Практической медицины»¹ просил бы тебя, Шурочка, самой справиться в конторе письменно. Ведь у тебя имеется номер, под которым выслала мне журнал.

Какое хорошее письмо в редакцию «педагога» во вчерашнем номере «Русских ведомостей». Наконец-то истинно гуманное слово.

Воронеж, 4 сентября 1914 г.

Получил целых три твоих письма сразу, а также открытку от матери. Вот праздник! Мать сообщает, что 30 августа они получили телеграмму от Лени из Раумо (Финляндия): «благополучно в России, Лени». Радость, конечно, великая. Тем более что днём раньше от неё же из Парижа было получено весьма пессимистическое письмо. Она там считала, что ей не выбраться. Подробностей, конечно, пока никаких. Пишет мать, что отец уже встал, и нога болит менее. В чём тут дело, я не понимаю. Очевидно, какое-нибудь письмо я не получил.

¹ «Практическая медицина» — петербургский еженедельный журнал.

Захворал внезапно Нуго: температура 39°, кашляет. Пока неясно, бояться, как бы ни оказался снова плеврит.

Карлушке подыскивают какой-то пансион. Опять не понимаю, в чём тут дело. Я писал и матери, и Артуру, просил ради Бога оставить его в гимназии, даже обещал, пока буду на военной службе, высылать ежемесячно 50 рублей. Ничего не понимаю, что хотят с ним делать, что значит пансион? <...>

Ты не представляешь себе, как у нас проходит день? Да очень просто. Встаём в 7 часов утра, моемся, чистимся и т. д. В 8 ч. садимся за самовар, съедаем по три яйца всмятку, чай, хлеб. К 9 часам возвращается вестовой с газетами из города. Чтение их занимает у меня часа два, а то и дольше, от строки до строки. После чтения газеты принимаюсь за письмо тебе. Коллеги уходят обычно, либо в канцелярию, либо ещё куда-нибудь.

Кончу писать, принимаюсь за французский язык, если осталось время. В 2 часа или позже садимся за обед: Левитский, Покровский, я и три сестры. Обедаем у нас в комнате. После обеда коллеги на часок заваливаются спать. Я, грешным делом, вчера тоже завалился, но больше не буду. Я в это время обычно читаю что-нибудь (сейчас Бунина) или кончаю заниматься французским.

Просыпаются коллеги, начинаются разговоры. Приходит Зайцев, мы все вместе уходим гулять по окрестностям, а затем на сборный пункт — нет ли новых телеграмм с распоряжениями из Москвы. Там тоже разговоры. Последнее время я не хожу на сборный пункт, предпочитаю сидеть дома, читать или, если утром не успел, писать письмо. К 8 часам коллеги возвращаются. Садимся за чай, хлеб, колбасу. Ещё немного поговорим и почитаем, а там и спать пора. Ложимся в десятом часу, а то и раньше!

Вот и всё. Как видишь, чисто растительная жизнь; противно. Впрочем, с сегодняшнего дня будет перемена. Мы сегодня внезапно решили выехать из Троицкого и поселиться в городе. Тем более что хозяева здесь частью выезжают сами и берут мебель. Коллеги пошли искать комнаты. Зайцев тоже переезжает. Думает от скуки начать здесь практику.

Вчера получена телеграмма, что здесь мы остаёмся временно, что мы будем замещены эвакуационными госпиталями из Москвы. Когда это будет? Всё же мы попадём в тыл армии. Ты, Шурочка, на желай мне оставаться в Воронеже. Ведь там я ближе к делу, там мы наверно больше принесём пользы. К тому же мне весьма маловероятным кажется, чтобы тебе при настоящих условиях дали отпуск, хотя бы и на 5 дней. Это не может быть; и вы теперь все мобилизованы! Подождём ещё немножко, придёт и наше время. Не теряй бодрости.

Воронеж, 5 сентября 1914 г.

Только что получил твоё благоухающее туберозными лепестками письмо — спасибо, спасибо. <...> И какое спокойное, светлое, даже уверенное основное настроение. Ты у меня делаешь успехи с каждым днём. Поздравляю, как бы не сглазить. <...>

Вчера вечером получена телеграмма из Москвы: немедленно развернуться. Кажется, уже в третий раз. На этот раз наш старший испугался, как будто взялся за ум. Вчера же вечером и сегодня утром они с эвакуационным капитаном искали в городе помещения, но до сих пор их труды не увенчались успехом. Решили, во

что бы то ни стало найти ещё сегодня. В таком случае, мы завтра утром переберёмся всем госпиталем в город. Пора съезжать с дачи. Подходящие комнаты наши коллеги не нашли — дорого. Может быть, удастся устроиться с госпиталем. Уезжаем завтра, а пока сидим всё в той же Троицкой Слободе. Мебель у нас хозяева понемногу отбирают. Стол ещё имеется, есть за чем писать.

Сегодня мы все сели писать письма. Друг над другом шутили, смеялись, однако все пишем! Собираемся в баню после упорных трудов.

Зайцев вчера вечером внезапно опять получил телеграмму: немедленно выезжай Москву. Взял отпуск и тотчас же вчера ещё поехал. Должно быть, его всё-таки устроят в Москве. Жаль, если так: он хороший товарищ и собеседник; есть к кому обратиться за советом.

Читала статью Евг. Трубецкого о «внутреннем немце и внутреннем турке» в 204 № «Русских ведомостей»? Какая смесь хороших мыслей с наивным лепетом! Бог с ним. А немного ниже письмо из Копенгагена Деренталья¹. Какой шовинизм и мелкий национализм и в Германии! Но, с другой стороны, то, что я тебе вчера писал о Геккеле, я повторил бы и относительно Гауптмана². Никогда не поверю, чтобы он был способен на мелкий шовинизм. Такая метаморфоза слишком невероятна, чтобы быть правдоподобной. Да, он любит своё отечество, но знает, что на карту поставлено всё, что вопрос поставлен: быть или не быть самому государству. И он пламенно желает успеха своей родине, ей слагает свои стихи. Но разве это уже значит, что он низко пал, что великий, гуманный, просвещённый писатель, восторгавшийся наши Художественным театром, подружившийся с его руководителями, что этот Гергарт Гауптман превратился в мелкого писаку, восторгающегося в угоду начальству всяким «патриотическим» подвигам прусских юнкеров и иже с ними?.. Нет, не верю.

Воронеж, 7 сентября 1914 г.

Только что получил два письма. Одно от матери и другое твоё, и оба такие печальные... <...> Ради Бога, прежде всего одно: сейчас же садись и напиши мне, что ты даёшь мне слово в случае заражения не отчаиваться, не падать духом, не предпринимать ничего непоправимого, а лечиться, энергично лечиться, верить в лечение!³ Ведь ты, Шурочка, должна же знать, что при энергичном и своевременном лечении *lues [сифилис]* радикально излечим. <...> А затем, Шурочка, обещай, что не будешь интубировать таких детей без роторасширителя. Ведь ты интубировала без него? Верно? Впрочем, я глубоко верю, что всё обойдётся, что это ложная тревога. Не может быть, чтобы моя самоотверженная Шурочка

¹ Дренталь (Дикгоф-Деренталь Александр Аркадьевич) (1885–1939) — эсер, политэмигрант, корреспондент газеты «Русские ведомости».

² Гауптман, Гергарт (1862–1946) — немецкий драматург («Перед заходом солнца», «Потонувший колокол» и др.), лауреат Нобелевской премии по литературе 1912 года. За несколько дней до Лувена была опубликована статья Гауптмана, в которой он оправдывал немецкое вторжение в нейтральную Бельгию и утверждал, что все немцы «с полным сознанием сражаются за блага духовные и земные, которые служат прогрессу и возвышению человечества».

³ При интубации дифтерийного ребёнка, страдавшего врождённым сифилисом, Ал.Ив. поцарапала палец и опасалась, что заразилась сифилисом, чего однако не случилось.

стала бы жертвой своего долга. Это было бы слишком несправедливо, слишком жестоко! <...>

И письмо матери тоже не очень весёлое. Правда, Лени приехала, здорова и невредима. Эта забота отпала. Но зато имеется целый ряд других.

Прежде всего, болезнь Нуго: оказывается, что у него брюшной тиф и в форме нелёгкой. Температура уже достигает 40°, и временами он начинает терять сознание. Ухаживает, конечно, мать. Нет ей отдыха ни днём, ни ночью. Кто знает, как потечёт болезнь?

Затем мать пишет о какой-то болезни ноги отца. Дескать, встал он, стал ходить, и снова стало хуже. В чём тут дело, не знаю. <...>

Наконец, мать подробно описывает судьбу Карлушки. Сначала отец вспылал, когда узнал, что он провалился. Обвинял, конечно, мать, хотел даже предложить Карлушке поступать сейчас же солдатом, простым рядовым, так как права на вольноопределяющегося он не имеет, не кончив шестого класса¹. Впрочем, такое намерение было вряд ли серьёзно. Очевидно, Карлуше нельзя больше остаться в той же гимназии, потому что оттуда его пришлось взять. Матери с Артуром удалось уговорить отца отправить его в Двинск², в частную гимназию, опять в шестой класс, так как в Риге его нигде не принимали (почему, не знаю). И вот недавно, сильно подавленный, он отправился туда. Для его самолюбия это большой удар. Будем надеяться, что принесёт ему пользу.

Мать надеется, что, может быть, если он там возьмётся за дело серьёзно, его можно будет протащить через все классы гимназии. Сейчас же его отправили только на один год, для получения права служить вольноопределяющимся. Я надеюсь, что в будущем всё это уладится. Хотя мать и пишет, что денежная помощь с моей стороны не нужна, я всё же решил твёрдо отныне регулярно посылать свой пай. Мне хочется, чтобы Карлушка окончил гимназию. Он малый способный, по существу хороший, только очень ленивый. Как только получу его адрес, напишу ему длинное письмо, меня он поймёт.

А бедной моей матери, как видно, из горя не выходить! Ты, Шурочка, не знаешь, какой она хороший человек. Она удивительная! И вот, ей приходится видеть всё горе да горе, и все мы в этом повинны. Очень уж мы все несдержанные.

А у нас перемена. Вчера мы втроём переселились в город. Живём на самой лучшей Дворянской улице, в лучшем отеле «Бристоль». Я с утра заявил, что перееду, тогда и коллеги решились. И вот, к вечеру перебрались. Номер у нас большой, чистый, светлый, воздуха много (4-й этаж). Дверь ведёт на балкон, откуда прелестный вид на Дворянскую улицу и весь город. Подъёмная машина,

---

¹ Право поступать вольноопределяющимися на воинскую службу имели лица, окончившие не менее 6 классов средних учебных заведений или 2 классов семинарий. Тем, кто не имел соответствующего образования, дозволялось пройти испытания по программе 6 классов средних учебных заведений (без иностранного языка). После сдачи экзаменов по военным дисциплинам, примерно соответствующих курсу юнкерских училищ, вольноопределяющиеся получали офицерский чин. Сроки их службы были значительно короче, чем у тех, кто проходил службу по призыву.

² Двинск, ныне Даугавпилс — город в среднем течении Даугавы, важный опорный пункт Северо-Западного фронта.

электричество. А главное, имеются кровати. Мы так отвыкли от этого невинного комфорта, что почувствовали себя богами. Чистота! <...>

Другие госпитали здесь уже работают. Все теперь развернулись, кроме нашего. Наш главный всё хотел устроиться со своим закадычным другом, главным врачом 254-го, но тот его сегодня оставил, занял помещение в гимназии. Одним словом, нам придётся, должно быть, взять самое плохое. Поговаривают о каких-то казармах в трёх верстах от города! Одно горе и несчастье с нашим главным.

Воронеж, 9 сентября 1914 г.

Пишу тебе спешно и немного, так как я устал смертельно. Сейчас двенадцатый час ночи, а мы работали с семи утра. <...>

Я сегодня, наконец, работал, да ещё как работал!.. Вчера утром как будто бы окончательно было решено, что мы переезжаем в казармы в трёх верстах от города, в грязи. Это после того, как все остальные госпитали уже устроились здесь, в Воронеже! Но в последний момент, вчера вечером нам губернатор внезапно отвёл здешнее женское епархиальное училище. Сегодня в 1 час дня мы должны были получить до 300 раненых. И вот наша команда с трёх часов утра, а мы с семи часов, без перерыва устраиваем помещение. Не было кроватей, не были набиты тюфяки соломой, не было приготовлено помещение, не мыты полы и стены после бывшего ремонта, не было шкапов, ламп и т. д. А в два часа у нас уже были приготовлены 300 кроватей, вполне благоустроенное помещение и стол. И вот мы стали принимать привозимых больных. Почти все легко раненые, ходят. Переделали их, умыли, накормили, напоили, а нуждавшихся в перевязке, около 25 человек, к вечеру перевязали. Кончили в десятом часу. С непривычки устали здорово. И всё-таки впервые ложишься спать с чувством удовлетворения, с чувством, что вот и ты работал, и ты не совсем бесполезен. <...>

Сегодня мы ещё ночуем в «Бристоле», а завтра перебираемся в отводимое нам помещение — лазарет училища. Там будет, я думаю, недурно. Чудесный сад, весь в осенних листьях. А сегодня такая чудная была погода!

Шура! Я теперь тоже буду работать! Ты в Москве, а я в Воронеже, и мы будем всё время чувствовать, что мы не одни, что наша работа совместная.

Воронеж, 11 сентября 1914 г.

Хочется быть с тобой, только с тобой, хоть несколько дорогих минут в день. А времени у меня теперь так мало. Вчера я даже не успел тебе написать хоть несколько строк. Мы за день втроём перевязали 240 человек. С непривычки это что-то да значит. К вечеру повалился спать как сноп, но, к сожалению, и спать-то не удалось как следует. Под тонким тюфячком не было ещё досок, и вот рёбра кровати врезывались в бока, а руки и ноги проваливались в пространство. Сегодня тоже было работы весьма много. Получены были бланки для историй болезни, и пришлось начать их заполнять. Над этим провозились весь вечер, а дело почти что не продвинулось вперёд. Приходится обозначать довольно точно, так как мы здесь занимаем помещение эвакуационного госпиталя и с послезавтрашнего дня будем составлять комиссии, то есть выписывать, возвращать в строй, в слабосильные команды, определять потерю трудоспособности и степень её. Одним словом, наши записи будут иметь значение

юридического документа. Для начала вся эта канцелярия отнимает много времени. Со временем это пойдёт быстро.

Необычно для меня также и то, что пациенты взрослые. Затруднение большое также и в сильной ограниченности наших аптечных средств. Имеются лекарства только весьма примитивные, да и то из них многих нет. Нет даже ипекакушки¹. Больные жалуются на невозможные болезни, объективного основания для которых трудно найти: *ломит, режет, сосёт, колет*, а где и что — остаётся под вопросом. Новы для меня и многие перевязки. Лечение ран для меня terra incognita. Попался мне хороший фельдшер, школьный, служивший много лет в земстве. Так я его очень слушаю и очень ценю его помощь.

Ты, Шурочка, должно быть, думаешь, что такая безалаберная, рассчитанная на быстроту работа должна мало удовлетворять. Но нет, Шура, хотя сейчас на первом плане просто усталость, всё-таки я чувствую, что работаю, не даром получаю жалованье, и что работа эта становится уже осмысленней и будет со временем приносить некоторую, хотя и скромную, пользу.

Сегодня нам дали ещё двух врачей и двух сестёр на помощь, и теперь на каждого из нас приходится по 50 человек. Наш главный врач при более близком знакомстве оказывается, если и не особенно милым, то вполне сносным человеком, товарищем, а не только начальником. Я думаю, что мы с ним работать будем мирно.

Воронж, 12 сентября 1914 г.

Шура! Что это такое? Я беспокоен, я не понимаю. <...> Если завтра не будет от тебя письма, я пошлю тебе телеграмму с запросом. Не верю, чтобы Шурочка могла меня три дня оставить без всяких о себе сообщений в такое время. <...>

Я сегодня дежурный. Когда как-то ко мне подошли и сообщили, что меня кто-то дожидается, я побледнел, ноги задрожали, я сам не знаю, что со мною случилось. Шура, я так беспокоен. Почему ты мне не напишешь? Я больше не могу ни о чём другом писать. Я жду, жду!

Воронж, 13 сентября 1914 г.

Получил, наконец, твоё столь нетерпеливо ожидаемое письмо от 10-го. Всё та же бесконечная грусть и тоска!

Воронж, 14 сентября 1914 г.

Сегодня такая радость. А затем такое разочарование! <...> В 3 часа идём обедать. Мне подают от тебя письмо. Я тут же за обедом пробегаю его. И что же? Там говорится о радости жизни, о бодрости, говорится о том, как просыпаются тяжело больные после болезни. <...> Затем опять идёт работа, я беру письмо, чтобы перечитать, уже не спеша, разобраться во всех тонкостях. И тут только замечаю, что оно от 7 числа, а вчерашнее твоё письмо было от 10-го! И снова у меня крылья подрезаны, снова ещё большее сомнение и грусть охватывают меня. Значит, после небольшого светлого промежутка грусть и отчаяние ещё сильнее охватили тебя! Шура! Укажи мне, как могу я тебе помочь? <...> Приезжай ты ко мне. Остальное образуется. Ты должна быть

¹ Настой ипекакуаны — популярное отхаркивающее средство.

бодрой, вместе со мной верить в светлые наши совместные дни. Остальное наплевать! Не так ли?

Воронеж, 15 сентября 1914 г.

Работы много. И мы здесь тоже эвакуируем и получаем новые партии, едва успеваем записывать. У меня больные по несколько дней лежат не записанные. Перевязывать приходится редко и по возможности *бережливо*; об этом нам толкуют постоянно. Встаём в 7 часов, начинаем работу в 8. Перевязки и обход отнимают весьма много времени. Собственно, не обход, который я сплошь и рядом не делаю, а записывание историй болезни, хотя и очень кратких. Из интересных случаев у нас только один больной с tetanusом [столбняком], развитие которого мы наблюдали с самого начала. Началось, как полагается с masseteraхв [жевательных мышц]. Тяжёлая картина. Полное сознание. Георгиевский кавалер, участвовавший в китайском и японском походах. Рана обширная, рваная, — кисти правой руки. Удалось мне оттуда извлечь деформированную оболочку разрывной австрийской пули. Затем ещё два раза приходилось вынимать пули, вылушил три фаланги и всё; остальное — перевязки. Так как мы сейчас являемся конечным этапом, то и своих, и других, присылаемых для этого, проводим через комиссию (из нас же состоящую) и отправляем многих в слабосильные команды или увольняем вовсе от службы. Это тоже отнимает весьма много времени.

Сегодня, например, я не успел никого перевязать. Только сортировал. Определял, а затем целый день торчал в комиссии, где опять-таки вносил в книгу со всеми онёрами¹: «одержим отсутствием двух фаланг указательного пальца» и т. д. Сегодня, таким образом, пропустили целый ряд терапевтических с vitium cordis, tbc, gastritis chr. [пороком сердца, туберкулёзом, хроническим гастритом] и т. д., которые несколько дней лежали у нас без лечения, так как мы не имели самых элементарных лекарств.

Например, отсутствуют в нашей аптеке: natr. brom.; magn.silf.; t-га valer. simpl. [бромистый натрий, настойка валерианы простая] (имеется только aether [эфир], и то только 60,0), t-га opii, zin. oxid. [настойка опия, окись цинка] и т. д. Здание госпиталя у нас прямо-таки уныло-мрачное: тёмные коридоры, холодно, всюду сквозняки. Страшно неуютно. Я не хотел бы лежать в таком госпитале.

Команда наша в достаточной мере бестолковая, все мужики, для которых работа эта малоподходяща. Впрочем, говорят, что мы здесь недолго останемся, что через две-три недели нас отравят дальше. Куда?

В 3 часа обедаем, после чего сейчас же на работу. Возвращаемся домой не раньше десяти часов. Как снопы валимся спать. Вот и сейчас раздаётся богатырский храп.

Живём мы во флигеле, как я тебе писал. До сих пор было холодно, но сегодня первый раз протопили, и стало недурно. Только мы здесь почти исключительно спим, сидеть не приходится. Едва успеваем читать газеты; запаздываем

¹ Онёры (honneurs франц.) — почести.

на 2—3 дня. Где уж тут заниматься французским языком. Эту мечту приходится пока оставить.

С существованием нашего главного я совсем примирился. Он, оказывается, парень недурной и вполне приятный в обществе. Привык он только в военном ведомстве ко всяким бумагам. Он сильно оживляет нашу компанию, держится совсем хорошим товарищем.

Воронеж, 17 сентября 1914 г.

Я вчера был лишен возможности писать тебе что-либо, не было сил. Меня к семи часам вечера откомандировали на вокзал принимать транспорт раненых. Поезд прибыл только в половине девятого, а выгрузка производилась чрезвычайно медленно. К тому же путались, в какой госпиталь сколько отправить раненых. Нам обещали было 150 раненых сразу, но затем быстро выяснилось, что на нашу долю не будет их совсем. Однако на мой вопрос, можно ли мне удалиться, мне ответили отрицательно. И вот меня держали без всякого смысла на вокзале до 12 часов ночи. Когда вернули, пришлось за чаем сообщить главному все подробности, а когда вернулся в свою квартиру, то заметил, что ванна была затоплена — мылся Левитский. Я не устоял и тоже влез в неё. Когда же я вылез и взялся было за перо, то почувствовал, что не могу, слишком устал. Было уже 2 часа ночи.

Сейчас тоже уж скоро 1 час ночи, но я сегодня дежурный; только вечером пришлось на несколько часов поменяться с Покровским, чтоб пойти в «Бристоль» приветствовать с днём ангела супругу Левитского, сегодня к нему приехавшую. Он счастливый, сияет, горд! А мне завидно.

Вот видишь, как мы живём. Сегодня было сравнительно тихо в отделении: новых нет, а старых мы последние дни усиленно выписывали. Если бы не именины, то сегодня в первый раз у меня вечер после восьми часов был бы свободный. А спать так хочется! Ты ведь знаешь, какая у меня в этом всегда потребность.

Дежурному у нас необходимо быть в фуражке и при шашке. Спать по закону не полагается, а только немного отдохнуть на кушетке. Оной у нас нет, а стоит кровать, на которой мы и спим несколько скудных часов, не снимая тужурки и сапог. Ждём уже несколько дней внезапного приезда принца Ольденбургского¹. Выучили уже церемониал и форму встречи, рапорт — авось, не в моё дежурство.

Хожу я чуть не по неделе небритым. Вечером не хочется, устаёшь, думаешь, завтра. А утром спешешь, нет времени. Оброс и некрасив.

Вчера, Шурочка, я впервые видел вблизи раненых австрийцев. Производили они чрезвычайно тяжёлое впечатление, охватывает прямо какой-то ужас. Оказались все тяжелоранеными. Приходилось переносить их в госпиталь на носилках. И вот лежали они на платформе на носилках, с перебитыми ногами и руками, без движения, покрытые только шинелью, дрожа от холодного ветра,

---

¹ Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932) — принц, правнук императора Павла I, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета, во время Мировой войны — верховный начальник санитарной и эвакуационной части армии.

молчаливые, с такими грустными и измученными глазами, что прямо сердце щемило. Такие они несчастные, жалкие! Тут впервые вплотную я почувствовал всю дикость и ужас войны.

Один из них всё время жалобно стонал. А на платформе гуляют «сёстры милосердия» из местного общества (как ненавижу я этих глупых пустых барышень, рисующихся Красным Крестом), около них увиваются кавалеры из военных и нашей братии. Подойдут к носилкам, бросят пустой любопытный взгляд на страдающих и, виляя задом, грациозно поплывут дальше, кокетливо улыбаясь. Если бы по мне, то я бы их далеко упрятал. Недаром вспоминал за моей спиной один солдатик: в японскую кампанию много таких было! Неужели такие пустопорожние бабёнки и сейчас нужны, в эту войну? Как противно!

Смешны и «санитары» из гимназистов, единственная работа которых, очевидно, заключается в том, чтобы встать на подножку автомобиля (конечно, после того как с помощью наших санитаров больные будут уже усажены) и прокатиться некоторое расстояние: дескать, автомобиль с санитарями! Глупо.

Порадовало меня отношение к пленным простой серой публики и солдатиков. Сосредоточенно и сочувственно они глядели на них; ни одной глупой шутки я не слышал. Санитары наши и солдаты охотно помогали и укрывали их, видимо входя в их несчастье. Почти все они были славяне — чехи и русины. Я заметил только одного немца, простого парня, очень старавшегося объяснить докторам, что он может и сидеть в автомобиле, что его не стоит таскать на носилках. Наконец, его поняли и внесли в автомобиль на руках.

Каково нашим пленным там у них?! Должно быть, тоже несладко. Поскорей бы кончилась эта война. Ведь это сплошной ужас!

Горестные вести я получаю из Риги! Сегодня мне пишут Лени и Артур, что Нуго весьма тяжело болен. Одно время казалось, что дело уже идёт на поправку, что тиф средней тяжести, как вот появился нефрит, был даже уремический припадок. Решили его отправить в местную городскую больницу, где можно было с большей полнотой производить всё необходимое. Так и сделали. При нём дежурит сестра милосердия, которой он очень доволен. Почти не отходит от него мать (больница платная). Но одним осложнением дело не кончилось: наступил коллапс, внезапно упала t° и появилось обильное кишечное кровотечение. Сердце неважное. Состояние крайне серьёзное. Последние два дня t° всё время субнормальная, полузабытьё.

Ты можешь себе представить, как тяжело матери! Сколько ей за последние годы забот из-за болезней сыновей: нефрит Артура, дифтерит мой, нефрит Вилли, а теперь тиф Нуго! Если прибавить войну, исчезновение с горизонта на некоторое время Вилли и Лени, неудачу на экзамене Карлуши, подагру отца (это нога-то у него болела!), то получится весьма малоутешительный итог. Бедная она, ведь она всё так близко принимает к сердцу. Совсем не так, как я. Мы в отца, она другая. Хочу ей сейчас написать длинное письмо, ведь больше я ничего сейчас не могу сделать.

Как много горя приходится видеть в последнее время! Как мало в настоящем светлого, бодрого. Но всё это будет, я не сомневаюсь. Это временная туча, которая уж скоро уступит место яркому солнцу! Это будет! <...>

Ты меня спрашивала, нравится ли мне статья Кропоткина¹ в Р.В.²? Да, мне она очень понравилась. Многое показалось весьма убедительным. В том, что Германия сознательно вызвала войну, я тоже не сомневаюсь. Не могу я только согласиться с тем, что цели Германии были завоевательные. Нет, не верю. Для целей завоевательных, для приобретения новых территорий государство не пойдёт на такой страшный риск, не поставит на карту своё существование. Нет, именно потому, что существование Германии как государства давно поставлено на карту Тройственным соглашением, не могущим примириться с таким опасным конкурентом на мировом рынке и стремящимся рано или поздно задавить этого конкурента; именно поэтому Германия, зная это, зная, что она окружена врагами, ждущими удобного момента, должна была сама подготовить эту войну, выбрать самый момент для неё благоприятный. Германия сознательно борется за своё существование как национального государства, сознательно начала её: либо теперь, либо никогда! Так я себе объясняю причину войны.

А читала ты, Шурочка, фельетон недавний Елпатьевского «Перед войной»?³ Если нет, то прочти, и тогда поймёшь, почему я советую.

Уже третий час ночи, в надо писать матери. Прощай, моя дорогая, хорошая.

17 сентября

Дорогая Шурочка! Буду краток. Только что сидел и писал матери, как вдруг приносят телеграмму: «Гуго тихо скончался».

Шурочка, я сейчас не буду распространяться, сейчас не могу. Мы часто так несправедливы бывали к нему, а он по существу был хороший человек. Такая золотая, наивная детская душа. Единственный среди нас доверчивый, не стеснявшийся говорить то, что думает, не скрывавший своих симпатий и антипатий. Он не стеснялся говорить матери нежности, если хотелось. А ведь мы никогда не могли перешагнуть какую-то грань, которая нас заставляла молчать, не говорить то, что думаешь.

Милая, дорогая Шурочка, завтра — больше. Твой Ёжа. Хочу к тебе! Хочу вместе с тобой к матери!

Воронеж, 19 сентября 1914 г.

Серый, серый и грустный, грустный день. С утра густые тучи и мелкий дождик. Листья падают, порывы холодного ветра. Насморк, слегка познабливает, а на душе как-то уныло, уныло. Всё время вертятся в мозгу какие-то обрывки воспоминаний, и странно кажется, так странно, что наша семья, искони состоявшая из девяти человек, теперь состоит из восьми — одного уже нет. И так быстро, неожиданно; как-то не верится. Ведь мне ещё ни разу не приходилось испытывать утрату близкого человека. И когда мне **мать** писала, что состояние брата

¹ Кропоткин Пётр Алексеевич (1842–1921) — князь, революционер, теоретик анархизма, географ, в 1886–1917 годах проживал в Англии.

² Р.В. — «Русские ведомости».

³ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) — врач, общественный деятель, писатель. В Ялте лечил А.П. Чехова. Арестовывался, ссылался. В конце жизни — врач Кремлёвской больницы.

тяжёлое, что был коллапс, я всё-таки не допускал мысли о близости рокового конца. <...>

Бедная мама, что она теперь переживает? Почему я не могу туда, к ней?! Нам так необходимо собраться всем вместе! Ты меня так хорошо понимаешь, я это чувствую.

Воронез, 20 сентября 1914 г.

Я только что написал письмо матери, грустное, но искреннее и простое. Надо же хоть теперь быть простым и искренним.

А нас скоро отсюда отсылают. Сегодня получено извещение от начальника эвакуационного пункта, что на днях нас отправят на запад, должно быть, во Львов. Нас тут заменят другие. Это и хорошо, и нехорошо. Хорошо потому, что ближе к месту событий, больше нового и разнообразного. Хорошо также потому, что материал хирургический будет более свежий, больше простора деятельности медицинской. А нехорошо потому, что письма от вас всех я буду получать неправильно передавали, может быть, совсем не буду получать.

Нет, этого не должно быть! Мне, что из действующей армии письма получают аккуратно. Только там из России получают с затруднениями, иной раз сразу за целый месяц. Ну, увидим.

А пока, дорогая, продолжай мне писать сюда. Я попрошу Зайцева (он теперь назначен старшим ординатором эвакуационного госпиталя) достать их за меня и отправить сразу по другому адресу. Так верней будет.

А мне писала Лени. Она в восторге от виденного ею. Больше всего ей понравился въезд на пароходе при лунном сиянии в фиорд Кристианин¹ и Стокгольм. Лондон, по её словам, слишком уныл и однообразен. Из Парижа она уезжала, когда германцы были в 60-ти верстах от него!

Воронез, 21 сентября 1914 г.

Как хорошо, что ты мне каждый день пишешь! <...>

Ты меня спрашиваешь, почему я перестал писать о военных событиях. Потому, Шуручка, что приходится повторяться. Основные мысли выяснены, и они остаются. И теперь, как и раньше, мне при чтении газет иной раз кажется, что мы, немцы, в самом деле варвары, недостойные вырожденцы, парии человечества. Я не могу скрывать, что всё то, что приходится читать о разрушении соборов, музеев, библиотек меня глубоко возмущает, что я теряюсь, не знаю, как объяснить себе всё это. Стараюсь, хватаясь за соломинку, объяснить безумием отдельных начальников, ошибкой, военной необходимостью, чем хочешь. Однако всё-таки остаётся прескверный осадок. Не могу не назвать прекрасным письмом Роллана к Гергарту Гауптману² и теряюсь, не знаю, как объяснить себе молчание

¹ Столица Норвегии Осло.

² 2 сентября в женевской газете было опубликовано открытое письмо известного гуманиста, французского писателя и драматурга Ромена Роллана, проживавшего тогда в Швейцарии, к своему немецкому коллеге Герхарду Гауптману. Письмо было написано под впечатлением от сообщения о варварском разрушении немецкими войсками старинного бельгийского города Лувена, богатого произведениями искусства. С чувством глубоко-

Гауптмана. Правда, в столь быстрое превращение Павлов в Савлов, — Гауптмана, Геккеля и других, и я не верю, никогда не поверю, что бы ни случилось, пока не выслушаю их. Но всё же многое остаётся загадкой. Нехорошо, очень нехорошо! <...>

Меня сегодня опять вверх в раздумье протест германских писателей и учёных, помещённый в телеграмме Гроссмана в «Русских ведомостях». Ведь эти люди глубоко убеждены в своей правоте, они с негодованием отвергают сыплющиеся на их обвинения. А ведь это не шовинисты, не люди, привыкшие преклоняться перед Вильгельмом. Их мнение нельзя так просто отбросить как не имеющее цены; их надо выслушать.

Нет, положительно нельзя окончательно выяснить истину в этой кошмарной войне. Только история, быть может, выяснит её. Я всю жизнь буду изучать эту войну по документам и материалам. Ведь это моё личное дело. Ведь мы, немцы в России, здесь вдвойне затронуты: нам больно и обидно и за тех, и за других. Мы любим и ценим и тех, и других... Ох, тяжело, Шурочка! Впрочем, пройдёт и этот угар. Всё это не вечно. А то, что вечно, померкнуть не может.

Когда мы выезжаем отсюда, мы не знаем, но вероятно, скоро. Сегодня опять приходили к нам врачи, которые займут наше место. Они заявляют, что у них уже почти всё имеется, и что они дня через два объявят о своей готовности. А тогда нам сейчас же выйдет приказ свёртываться. Сколько дней нам дадут на свёртывание, тоже неизвестно. Последние дни нам новых транспортов раненых не присылают. Доставляют только небольшие группы для освидетельствования в комиссии. Наших пленных я сегодня разобрал, но ни в какие разговоры ещё не входил.

Карлуша пишет, что пленные германцы очень высокомерны и глубоко уверены в своей победе.

[22 сентября (?), листок без начала.]

Что же касается «немецких зверств», то этот вопрос остаётся для меня столь же ясным, как и раньше: тут имеется дело с отдельными преступными лицами, которые имеются в любой армии, любом народе. Как раз мне сегодня пришлось подслушать разговор наших раненых. Один из них удивлялся тому, что в газетах не пишут о зверствах: «Ну, это и у нас бывает, когда наши к ним в плен попадутся, они им говорят, что мы вас за то, что ваши казаки наших мучают, добивают; это есть и у них и у нас отдельные такие».

А другой тут же иллюстрировал: «Взяла наша рота в плен нескольких австрийцев; ну ведут. Сначала молчим, потом там насчёт табаку и всё такое. Одним словом, разговорились. Ничего себе ребята. Тоже и им плохо приходится. Вдруг встречаем патруль казаков: кого там ведёте? — Австрийцев. — Ну, они выхватили шашки и тут же их всех перерубили. Всё равно, и у нас это бывает!»

Характерный разговор; и особенно ценен тем, что пошли рассуждения на тему о том, что вот ведь и они, чай, не по своей воле пошли — погнались. Нешто можно пленных рубить, нешто они нам враги, и т. д.

чайшего негодования Роллан осудил немецкую агрессию против маленькой нейтральной страны и призвал Гауптмана и избранную часть немецкой интеллигенции протестовать против содеянного преступления.

Прочёл я как-то нечаянно в «Русском слове» признание Вл. Немировича-Данченко¹, что из большинства показаний русских, бывших в Германии, явствует, что гонения на них начались лишь после того, как появились сообщения о разгроме Германского посольства в Петербурге...² Вот злонравия достойные плоды!

Милая моя! Только что получил твою телеграмму. Сначала меня что-то кольнуло, я побледнел, испугался. Невольно представилось опять что-нибудь роковое. И вот, Шурочка, ты меня извещаешь, что ты со мной в эти дни! Милая, дорогая! Спасибо тебе, моя родная. <...>

Сегодня наш госпиталь осматривали коллеги, которые нас здесь заменят. Должно быть, скоро.

Воронеж, 23 сентября 1914 г.

Вчера тебе не писал. Весь вечер был занят проявлением накопившихся пластинок, а после этого устал, и очень хотелось спать. <...> Посылаю тебе плоды этого вечера — несколько фотографий, относящихся ещё ко времени пребывания в Троицкой слободе. Кой-какие снимки я сделал и здесь на новом месте; пошлю тебе понемножку. Как видишь, у меня опять появилось время для таких занятий. Надолго ли? <...>

Это не так уж плохо, что твой братишка едет на войну³. Конечно, вы будете за него бояться, но с другой стороны, ведь и он прав, говоря, что совестно сидеть дома, когда другие рискуют. И, в конце концов, ведь только значительное меньшинство солдат, попадающих на войну, в самом деле подвергаются ранениям (15—20%). Впрочем, конечно, не процентами можно тебя успокоить. Но всё же он не так уж неправ. И правильно сделал, что никого не спросил: ответ ему был и так ясен, а внутри что-то протестовало. Он послушался внутреннего голоса. Будем верить и надеяться, что вскоре он вернётся невредимым.

Ты читала ответ Гергадта Гауптмана? Я должен по совести сказать, что он меня весьма мало удовлетворил; убедительного в нём мало. Одно для меня несомненно, что Гауптман глубоко убеждён в правоте своего дела, что он причину войны видит в заговоре всех против одного, в желании конкурентов убить соперника. Моя точка зрения тебе известна: заговора, может быть, и не было, но желание, несомненно, было. Германия, зная это, готовилась к будущей неминуемой войне и провоцировала её тогда, когда это показалось ей удобным. Всё это роковое, неизбежное! Ради озорства и для своего удовольствия теперь войны не ведутся.

Мне нравятся, Шурочка, наши раненые солдатики: народ простой, бесхитростный, искренний и терпеливый. И никакой злобы к врагу. Совсем не то, что мы сейчас видим в широких кругах нашей «интеллигенции».

¹ Немирович-Данченко Василий Иванович (1849—1936) — писатель, военный корреспондент, брат известного театрального деятеля.

² 22 июля в Петербурге было разгромлено Германское посольство. Подобное происходило и в Германии: 4 августа, в день вступления в войну Великобритании, толпа разгромила Британское посольство в Берлине.

³ Василий Иванович Доброхотов, средний из трёх братьев Ал.Ив., тоже врач, служил в 9-й армии (IX перевязочный отряд 10-й ополченской бригады).

Сегодня вечером мне положили первых трёх пленных австрийцев. Все разных национальностей: один немец, один венгр и один русин! Только русин немножко понимает по-немецки, а то все знают только свой родной язык, друг друга не понимают! Завтра начну с ними знакомиться. Интересно всё-таки знать их точку зрения, их отношение к тому, что они видят. Немец, кажется, толковый.

Воронеж, 24 сентября 1914 г.

Писал мне Карлуша из Двинска. Он свой провал в гимназии объясняет только войной. Благодаря закрытию немецких школ в его частную гимназию стали перебираться в большом числе переходившие ученики. Получилось переполнение, во избежание которого на переэкзаменовках всех провалили. Кроме того, он сознаётся, что был весьма ленив. Стечение обстоятельств...

В Двинске главное его занятие — развозка огромного количества раненых (до 2000 в день) по лазаретам и разговоры с пленными, у которых он за бесценок скупает всевозможные редкости: как-то осколки гранат, пули, каски, трубки и т. д. Одним словом, он нашёл себе занятие. Новой школой он тоже доволен. Утверждает, что там можно кой-чему научиться. Его письмо, в общем, произвело на меня хорошее впечатление. Он ещё выберется на истинный путь; и он не глуп.

Писала мне старушка Мазур¹, благодарила за 30 р. Когда она получила деньги, то у неё как раз осталось только несколько копеек... Значит, вовремя. И мать ей тоже послала денег, будто бы от моего имени!

Писал мне ещё Александр Акимович Чахмахсазиянц², которому я послал несколько открыток. Они себе в дом тоже взяли раненого и очень довольны. Он отмечает прекрасное педагогическое влияние этой заботы на своих ребят. Старший его сынок так и носится с солдатом, желая доставить ему наибольшие удобства. Он тоже весьма огорчён тем тоном, который начинает преобладать в газетах, боится усиливающейся волны ненависти ко всему немецкому. Грязь и помои, широко разливающиеся сейчас, глубоко волнуют и задевают его. Ведь и ему одинаково дороги, потому что одинаково известны, культурные ценности того и другого народа. И ему больно, горько...

Я думаю, что много сейчас немцев в России, которые переживают эту душевную драму! Нет, мы не поддадимся, мы останемся хранителями старых заветов, нам останутся чужды этот угар, этот туман, застилающий сейчас столь многие интеллигентные головы... Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжёлый долг, то мы ещё не будем оплёвывать всё, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!

Воронеж, 25 сентября 1914 г.

Разговорился я сегодня с нашим пленным австрийцем. Расспрашивал его относительно настроения у них. Он рассказывает, что начата война была с вооду-

---

¹ Елизавета Карловна Мазур, близкий человек семье Краузе, няня Фр.Оск., в 1915 г. была выселена из Риги в Астраханскую губернию. Фр.Оск регулярно помогал ей деньгами.

² А.А. Чахмахсазиянц, любимый и авторитетный наставник Фр.Оск. в ранней юности, студентом жил в семье Краузе.

шевлением, ненавидели сербов. Когда же война разгорелась, а в особенности, когда их стали теснить в Галиции, то настроение стало подавленным. Единственная надежда у них — Германия! Относительно пресловутых зверств он высказался таким образом, что единичные случаи бывают и с той, и с другой стороны, но, в общем, особенных разговоров у них относительно этого не бывало. Начальство их русскими зверствами не пугало. Он сам был свидетелем такой сцены. Он раненый лежал в кустах, а в некотором отдалении от него их раненый сержант с мольбой простирал руки к наступающему казаку. Тот же, невзирая ни на что, изрубил раненого. Наш пленный, однако, не обобщает этого факта, считает его единичным, редким. Соглашается, что и со стороны австрийцев бывают подобные же случаи.

Был он также свидетелем того, как казаки вырубili целый лазарет, забирая пленными раненых, в том числе и его. Он отмечает, отношение к ним, пленным, в России со стороны наших солдатиков очень хорошее, тёплое, такое, какого они никак не ожидали.

Спросил я его относительно разрывных пуль, и он рассказал мне следующее: в начале войны каждому запасному солдату выдано было по 10 разрывных учебных пуль, причём перед полком прочитывался приказ никоим образом не употреблять их перед неприятелем. В их полку полковник от себя добавил, что если он заметит стрельбу этими патронами в русских, то виновный сейчас же будет расстрелян.

А назначение этих пуль такое: ими производится учебная стрельба, — падая на далёком расстоянии и разрываясь, они поднимают столб пыли и этим указывают перелёт или недолёт. Быть может, это и так, но раздававший эти патроны должен быть очень наивным, чтобы поверить, что они не будут пущены в ход как боевые. Давать солдату страшное оружие в руки и требовать, чтобы он им не пользовался! Мы здесь видели (да, должно быть, и вы) целый ряд ран, характер которых указывает на употребление разрывных пуль. Одному солдату я сам извлёк из кисти руки всю скомканную тонкую пулевую оболочку. К сожалению, это доказательство не сохранилось, затеряли.

Есть у меня в палате очень несимпатичный грубый и капризный солдат. Про него его товарищи говорят, что «вот кто там зверства делает. Вы его спросите, что он там делал с австрийскими женщинами. Истинный зверь!» Надо будет расспросить подробности. Надо знать всё, разбираться во всём, чтобы быть беспристрастным. Ты видишь, Шурочка, как я стараюсь выяснить истину. Ведь это дело — моё личное дело!

Последние дни нам новых раненых не кладут, становится их всё меньше.

Воронж, 26 сентября 1914 г.

Припомни, Шурочка, май и июнь этого года, когда тебе так не верилось в возможность нашей совместной поездки. <...> И что же? После этого мы всё-таки провели две чудных недели вдвоём, и как хорошо провели, как безмятежно. Много бы я сейчас дал за одну какую-нибудь комариную ночь на острове Нагу! <...>

Что касается писем, которые придётся писать, не зная, дойдут ли они по назначению, то и это не так уж страшно. Наши солдатiki говорят, что письма

до них доходили, только поздно и помногу сразу. А мать мне пишет, что письма нашего родственника, прапорщика в Галиции, приходят правильно. К тому же, Шурочка, мы будем ведь не на передовых позициях, которые быстро меняют местоположение, а в тылу, быть может, даже во Львове. Это совсем меняет картину.

Воронез, 27 сентября 1914 г.

Ты никогда больше не должна упоминать какой-то твоей отсталости по сравнению со мной. Это неверно. У тебя, Шурочка, наоборот, куда больше всяких положительных знаний, а у меня только верхи, ведь я никогда серьезно не работал. У меня кругозор немного шире благодаря знанию лишнего языка и другого школьного образования. Но и только. Это тебе только кажется, что я больше знаю. Для меня этот вопрос ясен. Ну не будем больше спорить. <...>

Писала мне ещё Лени, — грустное письмо. <...> И снова меня охватило это чувство, и горько, и обидно стало не душе. Пишет сестра об обилии цветов, об истинной скорби всех знавших брата, о подавленном настроении дома, о чувстве сплочённости и солидарности семьи, которое невольно рождается. Пишет она и о том, что **мать** всё-таки не выдержала сильного напряжения и слегла после смерти брата. Был, очевидно, снова приступ желчной колики. <...>

Милая Шурочка, как мне хочется, чтобы и ты поскорей узнала мою **мать**; ведь она удивительная женщина. Ты ведь знаешь, что я объективен по отношению к своим родным. Это не моё только мнение, а всех её знавших и знающих.

Воронез, 28 сентября 1914 г.

Ты читала 26-го сентября в Р.В. фельетон «На Марне»? Автор категорически отказывается верить в варварство немцев. И я не могу сказать, чтобы его доводы были неубедительными. Наоборот, мне кажется, что он прав; простая логика. Но где теперь и у кого искать способности мыслить логически? Таких людей сейчас почти нет.

Вчера вечером мы получили приказ «немедленно свёртываться». Ещё днём от нас забрали почти всех больных, осталось 12 на весь госпиталь. Понемногу начали складываться, однако не верим в наш быстрый отъезд отсюда. Привыкли разочаровываться! Сегодня говорят, что нас по свёртывании и сдаче госпиталя преемникам отправят пока что опять в Троицкое, ждать дальнейшей судьбы. Там уже сидит снова один из наших госпиталей. В таком случае мы поедем опять в «Бристоль»; только не туда! Улита едет, когда-то будет!.. <...>

Хотел тебе писать относительно главного врача. У него тенденция по возможности превратить госпиталь в канцелярию. Ввиду телеграмм из Петербурга, рекомендующих экономию, выдачу перевязочного материала и лекарств ограничил до *minimum*¹: у нас на перевязках накладывается та же вата и те же бинты!!! Боже сохрани ампутировать палец или извлекать пулю. Ведь тогда нужно больше материала, а этого не должно быть. Ergo [следовательно] — такие больные пересылаются в другие госпитали (земские) или эвакуируются. У нас остаётся история болезни и много разных записей в разных книгах и в канцелярии. Бензин¹, наша-

¹ Бензин применялся для обезжиривания кожи при перевязке.

тырный спирт и т. д. у нас не покупаются. Запасы (100,0 — 150,0) истощены, а пополнить будто бы не из чего.

Но это неправда, суммы имеются. У нас на каждого больного в день полагаются 34 коп., выходит же только 27 коп. Как мне Пётр Петрович сам сознался, у него уже имеется излишек в несколько сот рублей. А из излишка должны быть покрыты стирка и добавочные приобретения в аптеку! Он сам даёт другим врачам совет, где дешевле всего можно закупить запасы перевязочного материала, но сам не покупает. Для чего? — для того, чтобы иметь возможность представить бумажку: я де сэкономил там, где другие тратили. А другие госпитали имеют всё.

У меня уже несколько дней лежит больной с тяжёлым scabies'ом [чесоткой] без всякого лечения: у нас нет даже серного цвета¹! Отправить его нельзя. На мои просьбы купить хоть самое необходимое, ответ: мы не можем выходить из наших узких границ! Тогда я третьего дня купил на свои деньги несколько необходимых средств (с согласия Левитского) и во время обхода предложил ему, если он хочет, принять на счёт госпиталя, мотивируя тем, что с пустыми руками лечить не умею. Он счёт (3 рубля) отверг и резким тоном (в первый раз) просил без его ведома ничего не выписывать и не употреблять ничего, чего нет в нашей аптеке! Мы с Левитским промолчали (при сёстрах!), но отношения коренным образом изменились. С тех пор с ним ни слова! Мы ещё повоюем! Не запугает! <...> Не думаю, чтобы он нас осилил. Он по существу трус и боится скандала. Не мы, а он пардона запросит.

Воронеж, 29 сентября 1914 г.

Так много интересных новостей, касающихся товарищей. Они все работают там, на месте, а мы где-то в самом последнем тылу. Ну и мы, должно быть, в конце концов, двинемся. Ты, Шурочка не должна огорчаться моим желанием быть ближе к делу. Это так естественно, ведь совестно сидеть здесь. <...>

Передать письмо матери своими словами невозможно, его надо читать самому. Скажу только, что оно бесконечно нежное и грустное. Припадок желчной колики у ней прошёл, и она чувствует себя совсем здоровой. <...> Брат погиб от прободного перитонита...

Ты, конечно, читала обращение к обществу наших литераторов, учёных, артистов и художников по поводу немецких жестокостей². Что на это скажешь? Я вот что скажу: да, протестовать против разрушения памятников старины и искусства надо, и должны протестовать именно литераторы и художники. Но я имею дерзость утверждать, несмотря на ряд крупных и всеми уважаемых и ценимых

¹ Очищенная сера, применяется для уничтожения чесоточных клещей.

² 28 сентября в газете «Русские ведомости» было опубликовано обращение 26 деятелей литературы, искусства и науки с призывом обуздать немецкую агрессию, милитаризм и жестокость. Среди подписавших обращение были: А.М. Горький, Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов, К.С. Станиславский, Е.Б. Вахтангов, А.А. Кизеветтер, П.Б. Струве, П.Н. Сакулин, В.М. Фриче и др. Поводом для данного обращения послужило воззвание 93-х немецких интеллектуалов «К культурному миру», в котором они отрицали все обвинения в адрес Германии и всецело оправдывали милитаризм, без которого, по их утверждению, немецкая культура была бы стёрта с лица земли. Впоследствии многие из подписавших это воззвание сожалели о своём поступке.

имён подписавшихся, что протестовать так, то есть трафаретными вульгарными напыщенными фразами, столь неубедительными, это значит в корне подрывать то дело, которое защищаешь. Перед пламенным протестом Роллана: он не только искренен, он делен и убедителен. А наши? Они пишут такую безвкусицу как «Германия возвращается к алтарям тех жестоких национальных богов, для победы над которыми воплощался на земле Единый Милосердный Бог»; «низкая обязанность напомнить человечеству, что ещё жив и силён древний зверь в человеке»; «уподобиться своим пращурам, тем полунагим полчищам, что 15 веков тому назад задавили своей тяжкой пятой античные народы»; «кровью текут реки, по грудам трупов шагают одичавшие люди»; «мрак, в который добровольно вступила Германия». А рядом с этим — слезливо-сентиментальные рассуждения и вздохи на тему о том, что «Германия отрекается от всего великого и прекрасного, что было создано гением её на радость и достояние всего человечества».

Если верить всем газетным рассуждениям, то получается такая картина, что Германия внезапно перешагнула какую-то черту и из великой сразу превратилась в низкую кровожадную варварскую страну. Не верю я в такие исторические метаморфозы. Всюду рассеян и мрак, и свет. Бывают времена, когда мы больше внимания обращаем на одну, другой раз — на другую сторону. И я понимаю, если наши литераторы преувеличивают отрицательную сторону, но я не понимаю, как люди искусства и литературы могли дать свою подпись под такую аляповатую, лубочную статью — явный признак дурного вкуса! Я это утверждаю, несмотря на громкие подписи. Удивительно, каким смерчем пронесется война через головы даже людей, которые должны бы стоять выше этого!

Воронеж, 30 сентября 1914 г.

Наши дела здесь дошли до точки замерзания: сегодня мы окончательно свернулись и передали свои обязанности сводному госпиталю. Что будет с нами дальше, не знаем, ждём распоряжений. Мы даже не знаем, куда девать нашу команду. Пока всё сидим на старых местах. Говорят, что нас тут, в Воронеже, продержат ещё 10 дней. Вполне возможно. Мы перестали верить в быстроту наших передвижений.

Отношения с наши начальством остаются такими же. Вернее, отсутствие всяких отношений. Мы друг с другом не говорим ни слова. Левитский отвечает только по вопросам службы. Только Покровский немного иной раз поддерживаёт беседу. В общем, за столом полное молчание.

Вчера у нас капитан, заведующий эвакуационным пунктом, принимал претензии команды. Но этой команде главным врачом уже заранее даны были вполне точные указания, и поэтому допрос для него сошёл благополучно. Когда же капитан обратился к нам с вопросом, не имеем ли мы каких-нибудь претензий, я хотел ему тут же в присутствии главного врача заявить относительно недостатка во всяких материалах и средствах, и поэтому дипломатично спросил его: личные претензии или вообще о недостатках? Но капитан не сообразил и снова сказал: конечно, личные ваши претензии; получили жалованье? На это я уже не мог ответить иначе, как «личных претензий нет». Но Пётр Петрович понял, он так и впился в меня глазами. С товарищами я поговорил до этого, и они хотели меня всецело поддержать. На этот раз не вышло; ну что же, мы ещё повоюем!

Ты меня как-то спрашивала, верю ли я, что война скоро кончится. Я на это могу сказать только: не верю. Если в начинающейся сейчас битве на Висле мы победим и будем победоносны и в дальнейшем, то, может быть, к весне война окончится. Но я вполне допускаю в последние дни возможность нашего поражения. А тогда? Тогда в два месяца будет разгромлена Франция, как и Бельгия, и тогда всё будет зависеть от нашей настойчивости. Во всяком случае, война тогда затянется. До сих пор ведь немцы ведут победоносную войну, несмотря на отдельные наши успехи. Мне даже не верится теперь, что мы попадём во Львов. Я боюсь, что австрийцы не дождутся нашего приезда и вновь возьмут его. — Печально!

Воронеж, 2 октября 1914 г.

Сейчас, в то время, как я тебе пишу, рядом со мной сидит Левитский и с воодушевлением и ожесточением занимается произношением французских слов, громко их повторяя с невозможным акцентом. Он вчера купил себе Туссена-Лангеншейдта на русском языке и теперь с раннего утра до ночи занимается произношением, а я его всё время поправляю и наставляю. Вот видишь, ты и не думала, что я гожусь во французские учителя.

Завтра утром мы уезжаем из епархиального училища, должно быть, в «Бристоль». По одним слухам, мы в Воронеже останемся только ещё 4—5 дней, по другим — не менее десяти. Мне кажется более вероятным последнее, в быстроту я перестал верить. Говорят, что нас отправят не во Львов (австрийцы едва ли дождутся нас), а в Броды, маленький пограничный австрийский городок. Попадём ли мы туда, или Броды у нас выйдут вроде Бара, кто его знает? А пока опять будем ждать...

Очень не нравится мне сейчас расположение армий на Висле. Боюсь разгрома. Я начинаю допускать мысль, которая раньше казалась совершенно невероятной, что германцы в итоге могут победить. Во всяком случае, ничего радужного не вижу. Неужели я вдруг превратился в этом пункте в пессимиста?

Воронеж, 3 октября 1914 г.

Пишу тебе из «Бристоля», куда мы сегодня переехали. Комната небольшая, но уютная. Я тебе пишу, а рядом со мной Левитский долбит: *ен повр анфан*¹, а я его поправляю. Он очень увлёкся французским, и ему изучение доставляет большое удовольствие. Я тоже сегодня опять принялся слегка за то же самое. Но, грешен человек, лень берёт. Нет во мне постоянства или есть? <...>

Очень хорошие отношения у нас с Левитским. Он хороший и неглупый человек, хотя и на провинциальный манер, многого не знает, но желал бы знать многое. Необходимо знание языков, и вот он взялся за изучение французского, не веря в возможность для себя одолеть немецкий. Он бывший семинарист, кончил в Томске. Там же кончила и его жена. Никогда раньше не изучал языков.

Покровский тоже ничего себе парень, он неглупый, необразованный, немножко бурбон, любитель женского пола, но товарищ он хороший. Так жаль, что наш главный портит наш квартал.

¹ un pauvre enfant (франц.) — моё бедное дитя.

Наши отношения остаются молчаливыми. Левитский же и Покровский в особенности не умеют ставить вопрос принципиально: то есть либо хорошие товарищеские отношения, либо сухо формальные, по обязанности. Нет-нет и заговорят о чём-нибудь постороннем. Они как-то не чувствуют обиду, что товарищ, хотя и старший, позволяет себе некорректности, грубости. Они как-то не чувствуют так, что надо бороться с таким чисто формальным отношением к интересам больных, с полным пренебрежением их нужд и требований! Ну да Бог с ними!..

Что ты скажешь по поводу «призыва» германских литераторов и учёных¹? Правда, полного текста ещё нет; может, и не будет, и поэтому трудно судить. <...>

Меня тревожит наше молчание относительно состояния дел у Вислы. Когда мы молчим, дела всегда идут скверно. <...> Относительно нашей ближайшей судьбы ничего неизвестно.

Перед самой отправкой на фронт Фр.Оск. на несколько часов, вновь без разрешения начальства, вырвался в Москву, чтобы попрощаться с любимой женщиной. 7 октября госпиталь выехал из Воронежа в западном направлении.

Ворожба², 8 октября 1914 г.

Вот уж прошёл волшебный, но столь короткий миг, и мы опять далеко друг от друга. <...> Я всё же очень, очень рад, что видел тебя хоть минуточку. Я теперь спокоен.

А я путешествую, и не видно конца путешествию. Всё в вагоне да в вагоне, трясёт и качает. Из Москвы до Воронежа я устроился очень хорошо, взял плацкарт и ехал вдвоём в купе с раненым Сувалками³ подпоручиком. Он мне рассказал много интересного. Так, например, относительно зверств он говорит, что это одинаково с обеих сторон, что во время боя как-то не до гуманности. Он видел примеры жестокости и с той, и с другой стороны. Поляки к русским относятся хорошо, помогают. Евреи — плохо, они за того, кто победит. Их дивизионный генерал собственноручно застрелил пять евреев, которые подавали сигналы неприятелю и у которых были найдены карты и планы. Был в Сувалках и небольшой еврейский погром, устроенный поляками и солдатами; правда, потом отобранное было возвращено.

Есть на позициях иной раз совсем не приходится по 3—4 дня. Подвоз провианта весьма плохой, приходится дорого платить за продукты. Бывает мародёрство. С другой стороны, когда до сведения верховного главнокомандующего дошло, что две роты какого-то полка забрали провизию, не заплатив, то он приказал тут же расстрелять обе роты вместе с офицерами. В общем, мы обыкновенно расплачиваемся деньгами, немцы же явно мародёрствуют, грабят магазины. По крайней мере, так было в Сувалках.

¹ «призыв» германских литераторов и учёных — см. примечание к письму от 29 сентября.

² Станция Ворожба Московско-Киево-Воронежской ж.д., в Сумском уезде Харьковской губернии.

³ Сувалки — город на северо-востоке Царства Польского, в местах ожесточённых боев во время Варшавско-Ивангородской операции.

Немцы берут артиллерией, они буквально засыпают снарядами каждого отдельного человека. От штыка же удирают. У них артиллерия подвижна, на автомобилях. У нас этого нет, но в смысле храбрости наши куда выше. В гибели двух корпусов Ренненкампф¹ не виноват, а виноват Жилинский², с которого Н.Н.³ сорвал погоны и отдал под суд. На месте Жилинского теперь Рузский⁴ на прусском фронте, а на месте Рузского — Радко-Дмитриев⁵. Много мы с ним говорили на военные темы...

В Воронеж приехал в шестом часу утра. Покровский мне рассказал, что П.П. [Марков] узнал про наш отъезд [Москву], говорил с ним по телефону, но предложил ему самому распутаться во всём. Если мы прибудем вовремя, то он сделает вид, что ничего не знает.

Так и вышло. Левитский приехал вместе со мной, и мы успели покончить со всеми делами. Были у Зайцева, разбудили его и потащили его с собой на вокзал.

11 октября

Пишу из Волочиска⁶. Сейчас отходит почтовый поезд. Только что узнал, что сюда можно адресовать «до востребования» гор. Волочиск Волинской губ. Сегодня напишу тебе длинное письмо. Ещё не устроились. Вчера приехали поздно вечером. Послал тебе и матери по телеграмме. Уже третий звонок. Тут совсем, совсем не то, что в России, совсем другой дух. Никто не смеётся.

Волочиск, 12 октября 1914 г.

Пишу тебе рано утром. Кругом все ещё спят. Пишу со скрежетом зубным: холодно адски. Впрочем, расскажу всё по порядку.

Писал я тебе со станции Ворожбы. Всё ближе мы подъезжали к Киеву. Пейзаж тебе знакомый, для меня же отчасти новый. Оригинальны длинные ряды пирамидальных тополей вдоль линии железной дороги. Особенно при скудном освещении на какой-нибудь захолустной станции ночью: кругом всё тихо, в ваго-

¹ Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, георгиевский кавалер, командующий 1-й армией Северо-Западного фронта.

² Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918) — генерал от кавалерии, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Обвинялся в серьёзных просчётах, неумелом руководстве и несогласованности действий 1-й и 2-й армий фронта, вследствие чего был признан одним из главных виновников поражения русских войск в Восточно-Прусской операции и 3 сентября смещён со своего поста.

³ Н.Н. — Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) — великий князь, внук Николая I, дядя Николая II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи (1914–1915).

⁴ Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал, командующий 3-й армией Северо-Западного фронта, с 3 сентября 1914 г. — главнокомандующий армиями фронта.

⁵ Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (Радко Русков Димитриев) (1859–1918) — болгарский и русский генерал от инфантерии, с 3 сентября 1914 г. командующий 3-й армией Северо-Западного фронта, смещён с этого поста 20 мая 1915 г., после сокрушительного поражения при Горлице.

⁶ Прежняя западная граница Российской империи.

нах спят, слышен только непрекращающийся шелест сухих листьев, и вырастают два ряда серебристых великанов...

Что меня ещё поразило, так это увядающая природа, осень на полях и в лесах. Какое богатство оттенков в окраске листвы: от светлого, соломенно-жёлтого до тёмно-бурого. Увидишь с высоты насыпи издали леса в осеннем уборе и поймёшь, что значит «золотая осень». А общий ржавый оттенок полей и лугов, перерезанный чёрными полосами свежеспаханного поля! А уныло-бурое пятно одиноко стоящей берёзки на фоне яркой зелени молодых озимых полей! Какая красота! Какое богатство!

Можешь себе представить, Шуручка, как я был восхищён, подъезжая к Киеву. Тебе знакомая картина, я же вижу его впервые. Да, чуден Днепр в ясную погоду и роскошный город Киев! И опять-таки всё это в рамке золотой осени! Остаётся только поставить ряд восклицательных знаков!!!!

К глубокому моему сожалению, нам в Киеве пришлось остаться только два часа. За это время мы вдвоём с Левитским старались посмотреть как можно больше. Проехались по всему Крещатику, поднялись на гору над св. Владимиром и обозревали оттуда роскошные виды на Подол. Проехали мимо университета, были в Десятинной церкви. На Крещатике заходили в ряд магазинов и пополнили запасы, закупили, что нужно. А затем дальше...

В Проскурове¹ мы оставили три госпиталя, а сами в единственном числе поехали дальше, всё ближе к границе. Всё больше и больше менялись картины на станциях, народу всё меньше, почти одни только военные. Да и самый пейзаж менялся. Всё реже и реже становились хутора, всё пустынной местность. То и дело встречались поезда с ранеными и пустые обозные. Долгие остановки на разъездах, в полях. Таким образом, только к 8 часам вечера третьего дня мы приехали в Волочиск. На станции только военные, раненые, сёстры милосердия. Разговоры только о войне. Смеха нет, все серьёзные, даже угрюмые. Здесь уже вполне чувствуется война. На платформе товарной станции трофеи: австрийские пушки, мортиры, обозы.

С самого же начала у нас завязался разговор с одним полковым врачом, получившим отпуск на две недели. У него контужена нога и сильный ревматизм. Он нам рассказал много интересного, чего в письме, к сожалению, не передашь... Одно для меня стало ясно, что борьба ведётся со страшным ожесточением, что условия кампании весьма тяжёлые, даже тяжелее японской кампании, и что мы во всяком случае победим, хотя, вероятно, не раньше, чем через год!.. Кровь течёт широкой рекой, и много ещё крови будет пролито...

Наша работа здесь будет едва ли многим разниться от работы в Воронеже; та же эвакуация... Будем наматывать свежие бинты на старые...

Первую ночь по любезности коменданта станции мы спали в его квартире. Вчера утром П.П. поехал к начальнику эвакуационной части на ту сторону Збруча, в австрийский Подволочиск. <...> Затем мы с Левитским пошли смотреть отведённые нам казармы. Там уже стоял какой-то подвижный госпиталь, но нам он из обстановки ничего не оставил: голые стены и порядочная грязь. Три этажа. Пошли в рядом стоящие казармы того же типа, где уже устроился другой госпиталь. Те

¹ Ныне город Хмельницкий.

устроились хорошо, у них и чисто и уютно. Полтора этажа у них заняты хирургическими и полтора — терапевтическими больными. Работы, говорят, много. Имеется здесь и госпиталь с заразными больными... Аптека в соседнем госпитале пополнена из аптеки, имеющейся в австрийском Подволочиске, отданной в полное распоряжение госпиталей. И мы тоже думаем оттуда попользоваться.

Впрочем, нам П.П. сегодня объявил, что он нас в перевязочных и иных средствах стеснять не будет, так как подписывать придётся не ему, а начальнику эвакуационной части. Хоть это хорошо.

Стали мы смотреть отведённые нам квартиры. Это оставленные офицерские квартиры рядом с казармами. Небольшое здание, одноэтажное. Двери приходится взламывать, так как ключи утеряны. Квартиры грязные, солома, мусор, щепки, несколько поломанных стульев, табуреток, чудом уцелевший небольшой комод, на котором я сейчас тебе пишу. Вот и всё.

Холод страшный, дров нет. Стали мы с денщиками устраиваться, подвычистили, перетаскали вещи, распределили, раздобыли всякие щепки, остатки оконных рам, этажерок, всякий мусор и этим затопили несколько печек. Затем нам прислали наши кровати и тюфяки, прислали ночники. И вот — квартира готова. Поставили самовар, напились чаю и как будто немного согрелись. Было уже поздно, и мы легли спать. Накрылись, чем только можно было. Ну, ничего, выпались хорошо. Надо же привыкать к военной обстановке. В траншеях лежат и совсем без всякого прикрытия...

Вчера же к вечеру стали из вагонов выгружать госпитальное имущество и переносить в казармы. Сегодня мы, должно быть, вчерне устроимся. В настоящее время я сижу без денег, задолжал товарищам 55 р. и тебе 22 р. Впрочем, мы здесь скоро будем с деньгами. Здесь оклады значительно повышены. Всего мы будем получать около 200 р. К тому же и «лошадиные деньги» не оказались мифом. Переезжать здесь не на чем, извозчиков нет. Все удивляются, почему мы без лошадей. Отыскали теперь какой-то приказ 1914 года, по которому и нам полагаются; и нам на днях выдадут. Купим себе лошадку и тележку.

П.П. говорит, что поочерёдно нас будут командировать то обратно в Жмеринку за перевязочным материалом, то во Львов за получением жалованья. Впрочем, идут слухи, что нас здесь оставят не слишком долго, а пошлют во Львов. Поживём — увидим. А пока постараемся здесь устроиться возможно лучше.

Волочиск, 12 октября 1914 г.

Пишу тебе за день второе письмо. Вот видишь, какое усердие!

Утром я имел крупный разговор с П.П. относительно выдачи жалованья. Мы все сидим без денег. Левитскому и Покровскому он отказал выдать вперёд. Тогда пошёл я, как бы тяжёлой артиллерией. Говорили мы громко и резко, попрекнул он нас московской поездкой, но, в конце концов, согласился нам выдать вперёд жалованье за октябрь без походно-порционных (3? р. в день), которые надо особо выписать. Получу, значит, 90 р. Из них отдам Покровскому 40 и Левитскому 15¹. Как видишь, я всё такой же неисправимый.

¹ По-видимому, карточные долги.

Затем, после разговора, пошли все мирно в казармы устраивать наш госпиталь. Зашли ещё раз к соседям, где и П.П. нашёл всё прекрасным. Решили свой госпиталь устроить совсем на такой же манер. Отдали все нужные распоряжения смотрителю, и пошли на вокзал обедать. Обед скверный. Насилу достали «Киевскую мысль», прочли последние известия. Мало интересного. Как тебе нравятся манифестации московских и киевских студентов? Впрочем, ответ ясен...

Во всём районе военного расположения запрещены московские газеты. Говорят, что здесь можно получить «Новое время», «Речь», «День», «Киевскую мысль», «Киевлянин» и «Одесские новости». Вот и всё. От Р.В. придётся волей-неволей отказаться. Но я попрошу тебя сообщать обо всём более или менее интересном, волнуящем, что в них встретится. Не хочу порвать связи с московскими газетами.

После обеда мы пошли в местечко (*не город*) Волочиск: население наполовину малороссы, наполовину евреи. Прошлись по главной и единственной улице и пошли дальше, по направлению к границе. Шли мы версты четыре, пока не дошли до самого местечка Волочиск (где мы живём, — это станция). На рыночной площади перед большим и красивым костёлом много народа, бойкая торговля. Для нас всё это очень интересно. (Мы шли втроем с Левицким и Покровским). Затем спустились вниз к реке Збруч, загороженной плотиной, образующей большой пруд. На той стороне плотины — австрийский Подволочиск. В общем, та сторона мало разнится от этой. Дома всё же чище и больше, а публика, несомненно, чище, лучше одета. Но, в общем, разница небольшая. Целый ряд домов представляет груды развалин: это наша артиллерия расстреливала какой-то австрийский поезд. Другие дома покинуты, стёкла выбиты, внутри пусто, двери открыты. Кое-где видны ещё остатки австрийских почтовых ящиков, почти совсем разбитых. Много свежих русских вывесок. Костёльная улица переименована в Николаевскую и т. д. Много солдат-ополченцев. Внутри вокзала на стене мы нашли ещё остатки немецкого объявления о мобилизации. Странное впечатление получается от завоёванного местечка.

Обратно мы поехали с санитарным поездом, вёзшим 750 человек раненых! Железнодорожный мост наполовину разрушен, идёт только одна колея. На нашей стороне сожжены австрийцами дотла 2—3 здания казарм недалеко от границы.

Вот наши первые впечатления от войны.

Когда мы вернулись домой, нас П.П. огорошил сообщением о полученной им телеграмме: отправить немедленно одного из младших ординаторов в распоряжение начальника эвакуационной части в Подволочиск с багажом. Мы все поняли, что одному из нас придётся оставить госпиталь и отправиться неизвестно куда. Но вскоре недоумение разъяснилось. Оказалось, что врач необходим только на несколько дней, чтобы помогать при перевязках на вокзале. Ведь сейчас идут горячие бои. Отправляется завтра Покровский. А я уж было собрался ехать.

Волочиск, 13 октября 1914 г.

Сегодня у нас был тихий день; никаких событий. <...> Читал «Киевскую мысль» и «Одесские новости». Газеты хорошие, мне они по первым прочитанным номерам нравятся; только непривычно. <...>

Понемногу устраиваемся. Наши казармы находятся приблизительно в версте от станции и местечка. Большой плац, на котором высятся красные

угрюмые трёхэтажные казарменные здания. Ветру есть, где разгуляться на воле, просторно! Кое-где в отдалении видны ряды осенних деревьев, в одном углу всей этой площади помещается церковь. Людей почти не видно. Живём совсем одиноко. Вся наша компания разместилась в трёх небольших квартирах по две комнаты. В одной — Левитский, Покровский, аптекарь и я, в другой — сёстры младшие и П.П., в третьей — наша столовая и старшая сестра. Видим друг друга почти только за обедом, который с сегодняшнего дня опять устроили дома. И хорошо так — общего у нас с другими ведь очень мало. Только Покровский дружит с сёстрами или, вернее, с одной сестрой; ну его дело молодое! <...>

Дошли ли до тебя вчерашние лепестки мака? Он был такой красивый, ярко-красный, одинокий в сером поле. Слишком ярок для грустных красок осени! Какой-то живой анахронизм, вестник бывшей красоты, прошедшего лета. Невольно напрашивается мысль о том, что вырос он такой яркий — вспоённый кровью павших здесь первых жертв этой ужасной войны. Это не литературный оборот, нет. Здесь как-то невольно приходят в голову именно такие мысли. Здесь это более понятно, чем где-нибудь в Воронеже. Всё-таки здесь чувствуется уже тяжёлое дыхание войны.

Волочиск, 14 октября 1914 г.

Только что вернулся с совместной с Левитским прогулки по окрестностям Волочиска. На этот раз мы пошли удаляться от границы. Вышли за казарменный плац на большую дорогу. Там так хорошо: виден простор полей, так бодряще веет свежий осенний ветерок. По краям дороги опять ряд высоких тополей. А по дороге тянутся гуськом длинные вереницы пустых телег. Так мирно, так тихо! Пошли мы полями, пока не увидели вдаль всё тот же Збруч, а на берегу его — хохлацкую деревню. Это такая живописная картина! Мы долго любовались белыми и коричневыми мазанками, точно сдвинутыми в кучу. Куда милей и красивей, живописней Малороссия нашей средней полосы. Тебе это всё знакомо, я же видел Хохландию только один раз, когда прожил на даче в Воронежской губернии четыре летних месяца¹. Должно быть, хорошо иметь хутор где-нибудь в Полтавской губернии! И народ такой приветливый, простой! <...>

Осмотрели мы ещё водяную мельницу примитивного устройства. Так наивно-просто стучали колёса, мололи жернова, и так просто сыпалась мука в подставленные мешки. Всё для меня ново, интересно. Зашли мы также в небольшой винокурный завод, где управляющий-поляк любезно и вежливо нам показал все детали. <...>

Только что зашёл Покровский, привёзший сюда поезд с ранеными из Подволочиска. Он рассказывает, что он там работает без перерыва уже с пяти часов вечера вчерашнего дня, не спал и не обедал. Ежедневно через Подволочиск проходят примерно 2000—3000 раненых, часто в невозможных условиях, прямо с позиций. Сейчас в Галиции идут весьма упорные бои у подножия Карпат, и этим

¹ Малороссы составляли более трети населения Воронежской губернии, в некоторых уездах они значительно преобладали, например, в Острогожском уезде они составляли 90% населения, в Богучарском — 82 %, в Бирюченском — 70 %.

объясняется такое количество. Даже офицеры прибывают сюда в теплушках в страшной грязи, со спешно наложенными на поле битвы повязками. Работают на эвакуационном пункте не покладая рук. Тамошние врачи утверждают, что такое обилие работы чуть ли не с начала войны. Иной раз по три ночи не спят. А мы опять развёртываемся и никак не развернёмся. Сейчас у нас в госпитале белят стены в перевязочной и операционной. Я боюсь, что до нашей полной готовности пройдёт ещё неделя! Увидим.

Вчера успел ещё написать длинное письмо Карлуше. Вообще писать я научился в эту войну. Пишу, по крайней мере, много. Начинаю опять слегка заниматься по-французски.

Волочиск, 15 октября 1914 г.

Мы всё ещё стоим на той же точке замерзания: развёртываемся. <...>

Заехал опять на несколько часов Покровский. Рассказывает, что за последние две недели через Подволочиск проследовало 20 000 раненых, а в то же время через Броды 30 000 человек! Убитых за это время в Галиции насчитывают 10 000!! Эти цифры так красноречивы, что говорят сами за себя, комментарии излишни... Хорошо, по крайней мере, то, что в перевязочных средствах недостатка нет. <...>

Сегодня в «Киевской мысли» прочёл перепечатку из Р.В. о безобразиях в Москве.¹ Что тебе сказать на это? Скажу только одно: мне так больно и так обидно, что даже не удержался от слёз <...> Неужели первоначальному глубокому порыву всех общественных классов суждено выродиться во всё более и более мелкий и пошлый шовинизм?! Неужели и в самом деле слова об освободительной цели войны так и останутся пустыми словами! Неужели только большой, большой минус в культурном отношении будет окончательным итогом всей этой войны?! Всё больше теряется вера, всё больше деятельность здесь становится тяжёлым долгом, обязанностью, и всё пламенней стремишься к скорейшему окончанию войны².

¹ 10—11 октября в Москве были совершены нападения на магазины и конторы, принадлежавшие людям с немецкими фамилиями, в результате погрома пострадало около 30 немецких торговых фирм.

² Ещё до получения этого письма Ал.Ив. предвидела, как отнесётся к московским погромам её Ёжа, и заранее стремилась разделить его душевные муки: «"И больно, и стыдно отмечать такие факты", — пишут «Русские Ведомости» по поводу недавних погромов в Москве. А я, Ёжа, скажу, что противно всему моему существу это подлое фарисейство, негодующее против немецких зверств на войне и устраивающее ещё более позорные погромы здесь, в мирном городе. Неужели можно поверить в невозможность предотвратить всё это? И всё это началось с демонстрации «хранителей идеалов» и поддерживалось торжественными крестными ходами. Можно ли из религии, — красоты жизни, — делать ширму для сплочения тёмных сил?! Газету я начинаю читать с таким чувством, как будто открываю ящик с шевелящимися гадами. Боже, когда всему этому конец! И знаешь, милый, я думаю, что волна человеконенавистничества ещё долго не смолкнет и после войны. Ты прав, мой родной, в своём пессимизме. Я чувствую в этот момент, как ты тоже будешь глубоко страдать при чтении сегодняшнего 235-го номера газеты... Я с тобой, мой милый, в этом состраданье». (Письмо 12 октября).

Ты, конечно, читала о публичном выступлении членов Московского философского общества¹. Какая путаница понятий! Какие взаимные противоречия! Какой-то хаос мыслей. Ведь додумался же Эрн утверждать, что без Канта немислим был бы и Крупп!² Это он утверждает про того Канта, основным моральным учением которого было: никогда не видеть в ближнем своём только средство, а всегда самодовлеющую цель! Это в Канте он отрицает идеализм, у него нашёл восхваление грубой силы!

Хорош и Булгаков, противопоставляющий пангерманизму — панславянизм, славянофильство, вместе с Германией осуждающий и Францию, и Англию! Если так рассуждают наши философы, то чего же ждать от низов?! Тогда и битвь стёкол становится понятным, слишком понятным. Да, грустные мысли невольно приходят на ум.

Вологиск, 18 октября 1914 г.

Третьего дня у нас было лето, вчера ненастная осень, а сегодня с утра инеем покрыта земля — зима. Хотя печи и топятся изрядно, но пол холодный; дрожим. Впрочем, грех жаловаться нам, когда в окопах сейчас лежат миллионы без всякого прикрытия!

Начала воевать с нами Турция!

Ещё дальше отодвинулся момент возвращения домой, к Шуручке, к работе... Так устроен человек, что даже мировые события рассматривает под углом зрения личного своего счастья и несчастья. <...>

Я тебе сегодня послал телеграмму с просьбой выписать нам «Русские ведомости» до востребования с 1 октября до 1 января. <...> Выяснилось, что до востребования здесь можно получить все газеты. <...>

Получил я сегодня впервые открытку от Вилли. Удостоился. По обыкновению, он весьма краток: поздравляет [*с днём рождения*], жмёт руку. Рад в будущем, когда кончится вся эта история, не раньше июня-июля будущего года, увидиться со мной и побеседовать о прошедшем. Я из этих строк только понял, что он желает что-то выяснить, узнать истину. Да, сильно должно затронуть всё, что связано с этой войной, нас, немцев в России.

Сегодня, шутя, немного повозился с коллегами. Началась сильная одышка. Вообще мне кажется, что в последнее время одышка у меня опять начинает усиливаться. Попросил исследовать Левитского. Он нашёл увеличение размеров

¹ Заседание Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва проходило 6 октября в Большой аудитории Политехнического музея, которая была переполнена и не смогла вместить всех желающих; толпы людей, не сумевших достать билета, осаждали музей. Вступительное слово произнёс председатель Общества, литератор и философ Г.А. Рачинский, с докладами выступили Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов и В.Ф. Эрн.

² В своём докладе философ и публицист В.Ф. Эрн утверждал, «что внутренняя транскрипция германского духа философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа». Доклад произвёл эффект разорвавшейся бомбы и вызвал широкое общественное обсуждение. Название доклада «От Канта к Круппу» стало крылатым выражением. (См.: Русская мысль. 1914. № 12. Разд. 2. С. 116–124.)

сердца слева на полпальца за *mammilaris*¹. Затем аритмию и некоторую слабость тонов, без акцента. У основания ему даже послышался небольшой шумок. Да, придётся примириться с мыслью о хроническом миокардите со всеми его прелестями: одышкой, расстройством компенсации, водянкой и т. д. Наложила на меня печать Морозовская больница!²

Наш госпиталь туго продвигается вперёд. Должно быть, и завтра не откроемся. Зашёл к нам сегодня комендант станции, очень симпатичный прапорщик, и рассказывал много интересного о первых боях до Гнилой Липы³, в которых он участвовал, а также о порядках в госпиталях, в которых он лежал.

Волочиск, 19 октября 1914 г.

У нас сейчас довольно нудно. <...> И вот твоё письмо! Это прямо манна небесная после 40 дней, проведённых в пустыне. <...> Вот видишь, и я немного подпал под влияние окружающего. Но думаю, что ненадолго. Это невольная реакция на вынужденное бесполезное сидение. Как только начнётся работа, кончится и уныние.

А работы не будет и завтра. Мы, кажется, закончили оборудование госпиталя. Уже два дня не везут раненых. А завтра П.П. уезжает на несколько дней во Львов за жалованьем (20-е число!). Это, конечно, столь важное дело, что отказываться от него для открытия госпиталя никак невозможно. Так что мы откроемся, должно быть, не раньше четверга.

Ты пишешь так соблазнительно: хочешь прислать мне посылку, готовишь подарки, говоришь даже о возможности своего приезда сюда... Было бы так хорошо! Ты спрашиваешь, где здесь можно остановиться. Здесь есть какие-то «Петроградские номера». Говорят, что там жили и врачи, но насколько там прилично, не знаю. На всякий случай нужно справиться. <...> В Подволочиске более прилично, но оттуда сообщение не всегда правильное. <...>

Ты, Шуручка, укоряешь меня за то, что напомнил о своём долге. Я этого не помню. Во всяком случае, если и напомнил, то не в смысле сознания своих обязательств по отношению к тебе, а просто при арифметических расчётах.

От матери получил сегодня письмо, пересланное из Воронежа. Она пишет, что смерть брата видимо сплотила всю семью, что отношения всех стали более мягки и сердечны. <...> Это всё-таки значительный плюс в нашем большом минусе...

Волочиск, 20 октября 1914 г.

Сегодня почему-то от тебя нет письма. <...> С отчаянья целый день резался в преферанс. Так и знай: если ты пропустишь день, я в наказание буду играть в карты. Придётся тебе из двух зол выбирать меньшее и писать аккуратно. <...>

Зашёл в «Петроградские номера», спросил о ценах. Маленькое каменное двухэтажное зданье: внизу лавки, наверху несколько комнат по полтора рубля. Хозяева, евреи, утверждают, что номера чисты, а там кто его знает. А я на всякий

¹ За сосковую линию. В норме левая граница сердца находится кнутри от неё.

² Работая в Морозовской больнице, Фр.Оск. в 1912 г. заразился и переболел дифтерией в тяжёлой форме с последующими осложнениями, включая миокардит.

³ В сражении на р. Гнилая Липа (левый приток Днестра) 16–18 августа русская армия одержала победу над австро-венгерскими войсками.

случай уже готовлю почву. Сообщаю всем, что женат и громко спрашиваю себя, не выписать ли жену сюда в Волочиск хоть на недельку. <...>

Сегодня приехал сюда один коллега из другого госпиталя, из Львова. Он встречает свою жену, которая завтра утром должна приехать. Он рассказывает, что во Львове совершенно запрещён въезд частных лиц, и что ему пришлось выпросить разрешение у Бобринского¹ на одну неделю. Без особенного разрешения не пропускают даже жён к раненым мужьям-офицерам.

Здесь в Волочиске мы находимся ещё в России, и здесь законы общероссийские. Почта здесь тоже получается исправно, нецензурированная. Письма же из Львова и адресованные туда просматриваются почти все военной цензурой, адресованные в действующую армию получают с опозданием в полтора месяца! Сейчас почти все госпитали в Львове свернулись — нет работы. Всех раненых теперь почти сразу эвакуируют в Россию, это и лучше. Там же условия более благоприятны. <...>

Уехал сегодня П.П., и никто об этом не сожалеет. Мы же продолжаем сидеть в бездействии. Впрочем, львовский коллега рассказывает, что они там тоже работали только одну неделю, что больше 50 человек зараз у них не было. Это за три месяца войны! Мы и то работали в Воронеже целых три недели.

Этот же коллега рассказывает, что ему удалось как-то получить командировку в Москву сопровождать транспорт раненых австрийцев. Благодаря этому он провёл в Москве два дня. Если бы можно было и мне так устроиться!

А в Львове считают, что война теперь, после открытия военных действий Турцией, продлится ещё два года. Я этому не верю. По-моему, она закончится самое позднее будущим летом.

Волочиск, 22 октября 1914 г.

Мне как-то не по себе последние дни. Опять сильно даёт о себе знать сердце, усиливается одышка, при малейшем движении чувство стеснения в груди, постоянная тахикардия. Даже после умывания общая слабость. Всё это так напоминает мне первые два месяца после дифтерита: опять период слабости сердца. Это, конечно, опять всё улучшится, явления опять станут минимальными, как эти два года. Но всё же! Нехорошо всё это. Так это унижительно для человека, если его благосостояние зависит от его тела, что немощное тело может отравлять ему жизнь.

Началось после бани. Я порядочно парился, усердно мылся. Придётся всё-таки привыкнуть к мысли, что я человек уже не нормальный. Придётся избегать по возможности всякой физической работы в более или менее крупном масштабе, лыжи и теннис сдать окончательно в архив. <...>

Погода унылая, делать нечего, люди слишком знакомы, тело немощно, и вот — не то, чтобы дух стал небодрым, но так, временами кислятина какая-то. Хочется поскорее выйти из этого положения, сдвинуться с мёртвой точки. Но вера в будущее есть, бодрость духа не потеряна! <...>

На всякий случай ещё раз повторяю, что очень просят коллеги выписать «Русское слово» с 1 ноября до 1 января до востребования. «Русские ведомости» я надеюсь получать с послезавтрашнего дня.

---

¹ Бобринский Георгий Александрович (1863–1928) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал-губернатор Галицийского губерндарства.

Волочиск, 23 октября 1914 г.

Я тебе вчера написал нехорошее письмо. Жаловался на сердце и ныл со скуки. Правда, сердце и сейчас мало радуется, всё те же явления. Правда, и сейчас работы нет, всё та же бездеятельность. Но всё-таки общий фон получился слишком мрачный.

Я начну вести правильный образ жизни, то есть не буду больше играть в карты, что всё-таки волнует. Буду избегать лишнего физического напряжения, буду беречь себя, с завтрашнего дня начну даже принимать в небольших дозах строфант. Если бы я не побоялся напугать своих домашних, то я попросил бы даже для себя комиссии, потому что сейчас я работник плохой. Но так, думаю, может быть, как-нибудь, и обойдется. Ведь бывают же периоды ухудшения.

Ну, больше не буду об этом писать, это материя скучная. Всё равно словами ничего не сделаешь. Милая Шурочка, ты тоже не беспокойся. Ведь такая штука тянется много лет. Иной раз эта слабость сердца проходит даже совсем. <...>

Мне немного совестно за то, что я тебе пишу обо всём этом. Ты на моём месте смолчала бы, я знаю. Но ты была бы неправа. И я всегда буду утверждать, что о здоровье своём следует заботиться, что это не совестно делать. <...>

Я не верю больше в то, что эта война даёт что-нибудь положительное, и потому хочется отстраниться от неё. Главное, я теперь нисколько не сомневаюсь в том, что наша работа здесь, если и будет, то бестолковая и никому не нужная, что я в миллион раз больше пользы принёс бы в стенах Морозовской больницы, откуда ты стремишься! <...> Я ещё понимаю работу непосредственно на поле сражения. Там хотя бы кипучая нервная деятельность. А здесь? Толчение воды в ступе, мелкие интриги и больше ничего.

Волочиск, 25 октября 1914 г.

Вчера утром я не получил от тебя писем и уже огорчился. Но вечером я ещё раз сам пошёл на почту и получил. Правда, не письмо, но зато посылку от Шурочки и «Русские ведомости». Я так был рад! Возвращались мы с Левитским полем, большой дорогой, а слева над горизонтом начала подниматься полная луна — так красиво... <...> Левитский усердно помогал носить посылку, рассчитывая, что и на его долю перепадёт, и не ошибся. Я думаю, что, несмотря на обилие посланного, скоро от всего останется одно прекрасное воспоминание. <...>

Значит, ты думаешь в феврале иметь возможность приехать ко мне. Ещё больше трёх месяцев! Как бесконечно долго! Да буду ли я ещё здесь, в Волочиске? Идёт слух, что отсюда два госпиталя будут отправлены на Кавказ. Не мы ли? А хорошо бы, Шурочка. Там всё-таки теплей, и природа замечательней. Да я ещё ни разу не был там, на юге. Как хорошо было бы встретиться там весну! Весна! Когда ещё она будет?

Волочиск, 26 октября 1914 г.

Ну и дела, Шурочка! Не успели мы здесь развернуться окончательно и принять больных или раненых, как получили уже новый приказ: немедленно свернуться и отправиться в Подволочиск, сменить там 130-й госпиталь и принять всех больных этого госпиталя, который отправляется дальше, за Львов в город Самбор у подножья Карпат. Всё бы ничего, но вот какой казус: в этом 130-м го-

спитале до сих пор лежали исключительно только венерические больные, и нам, таким образом, суждено превратиться в венерологов! А я никакого понятия не имею ни о сифилисе, ни о триппере! Ну, ничего, надо и этому поучиться. Левитский кое-что в этом понимает и покажет нам. Даже любопытно для первого раза. Нельзя же так замыкаться в рамках своей узкой специальности. Но каково? Думали, что на Кавказ, а получили такую конфетку!

Не знаю даже, как и домой написать. Ведь если напишешь правду, то придут в ужас! Напишу, что у нас там будут лежать больные с внутренними болезнями, незаразные. Здесь в Волочиске имеется, между прочим, и холерный госпиталь. Сейчас там больных осталось не много. Там по очереди работают по 10 дней младшие ординаторы всех расположенных здесь восьми военных госпиталей. Скоро подходила моя очередь. От этого удовольствия я теперь освобождён.

В Подволочиске холеры нет. Условия жизни, в смысле внешнего комфорта, там, конечно, тоже будут лучше. Даже здесь все остальные госпитали, даже после нас приехавшие, устроились много лучше, чем мы. Ведь наш П.П. прямо Богом обиженный человек в этом отношении. Что ему подsunут, то и берёт с благодарностью. Казарму- так казарму, сарай — так сарай. Жить мы там будем всё-таки как-никак в городе, а не чёрт знает где. Конечно, в идейном отношении наша работа там будет хромать: поехать на войну и лечить сифилитиков! Но что же? Не одними идеями питается человек... Да, к тому же мы, вероятно, там останемся тоже ненадолго. Поработаем с месяц, а там милости просим подальше, куда-нибудь в Самбор. По крайней мере, будет некоторое разнообразие. <...> A la guegге comте à la guegге, нельзя требовать себе только интересное. <...>

Вернулся вчера из Львова П.П., принёс жалованье. Веселей от его приезда не стало. Больная сестра [*милосердия*] поправляется. Покровский мне сообщил по секрету, что намерен после войны сыграть свадьбу! Быстро! Война приносит не одно только горе, кое-кто находит и своё счастье.

Волочиск, 28 октября 1914 г.

Стоим у разбитого корыта, на старом пепелище. Расскажу тебе, Шурочка, по порядку все наши метаморфозы.

Когда я тебе писал третьего дня, то думал, что мы попадём в венерический госпиталь. К вчерашнему дню выяснились подробности, и оказалось всё значительно симпатичней.

В Подволочиске уже два месяце (с конца августа) стоит всего один только госпиталь, крепко там пустивший корни и обжившийся. Он занимает помещение бывшей польской народной школы, и за это время успел приспособить его для госпиталя. Они там даже вырыли колодец и провели водопровод. Ухлопали много денег. И вот они внезапно получают приказ свернуться и немедленно отправиться в Самбор. Мы же должны их заменить. Так как среди их врачей не было специалистов-хирургов, а был венеролог и глазник, то им и старались по возможности посылать таких больных, и у них лежало более ста венерических, около 25 глазных больных, остальные были хирургические и терапевтические, больше с энтеритами, дизентерией и брюшным тифом. Как видишь, целая энциклопедия. П.П. решил число венерических (в отдельном корпусе) сильно сократить, а остаток поручить Покровскому. Левитскому хотел передать всё хирурги-

ческое отделение, а мне поручить терапию и заразу. Так были бы и овцы целы, и волки сыты. Я, по крайней мере, был очень доволен. Думал, что здесь можно будет поучиться кой-чему новому. Тем более что госпиталь далеко не носил характер только эвакуационного, больные лежали и больше месяца...

Вчера днём П.П. вернулся из Подволочиска и заявил, что мы должны завтра же с утра принять больных госпиталя и сегодня же немедленно переехать. В нашем только что здесь развёрнутом госпитале разломали печи, вынули котлы, уложили вещи. Мы тоже быстро собрались и поехали (на лошадях по шоссе). Приехали уже в темноте.

Рядом с училищем, в частных домах — квартиры сестёр и врачей. Прошли мы к коллегам уезжающего госпиталя. Квартира у них уютная, светлая, просторная, хорошо меблированная (светлая мебель, светлая же под обои окраска стен), стоят два пианино, зеркала, шкафы, пружинные просторные кровати... Хозяйева при наступлении русских оставили всё на произвол судьбы, и чудом каким-то всё уцелело. В других домах был настоящий погром, пожары, камня на камне не оставили казаки...

Первым нас встретил священник, который должен был остаться, присоединиться к нам. Он оказался очень симпатичным, весёлым, молодым ещё человеком, обещавшим дать нам хорошего нового собеседника и товарища. Первую ночь мы должны были спать с не уехавшими ещё коллегами. Устроились кое-как. Надеялись на следующую ночь устроиться уже совсем по-домашнему. Но не тут-то было.

С утра выезжал 130-й госпиталь. Тоже разломали печи, вытащили всё имущество. Было тепло, солнечно, приветливо. Подвода за подводой тянулись к станции. А из Волочиска подъезжали наши подводы. Мы стояли со священником у ворот, беседовали и наблюдали. Разбирали преимущества нашего положения: во-первых, нет казармы, находящейся далеко от станции; во-вторых, в двух шагах от станции, где постоянно проезжают раненые и пленные и где всегда можно быть *en courant*¹ всех новостей; в-третьих, хорошая благоустроенная квартира; в-четвёртых, вполне прилично оборудованный госпиталь; в-пятых, привилегированное положение как единственного госпиталя, к которому с большой симпатией относился начальник эвакуационного пункта, полковник. В-шестых, всё-таки почта из России получается непосредственно и аккуратно; в-седьмых, Шурочка могла бы у меня устроиться без особого разрешения предержавших властей, что необходимо было бы дальше в Галиции; в-восьмых, наше положение здесь было бы уже прочно, мы заехали бы надолго, может быть, до конца кампании.

Дело в том, что главный врач этого госпиталя недавно был во Львове и там сам себе напортил: хвастался благоустройством своего госпиталя и тем, что его могут оттуда выгнать только по высочайшему повелению. Это не понравилось какому-то его недругу-начальнику, и в результате — распоряжение немедленно выехать в Самбор на холеру! Не говори он, его бы и не трогали. А мы на этой афере должны были выиграть.

Полковник, начальник эвакуационного пункта, подружившийся с врачами госпиталя, немедленно стал хлопотать, чтобы их оставили, но получен был категорический ответ: нельзя. Тогда они и мы стали собираться. Их эшелон был назначен к отправке в 2 часа дня. В 1 час мы должны были у них перенять больных. А в 12 часов

¹ *en courant* (франц.) — в курсе.

спешит с вокзала сам полковник с телеграммой в руке и радостно ещё издали кричит: удалось отстоять, вы остаётесь. Новая телеграмма такого сорта: 130-й госпиталь остаётся в Подволочиске, нас же даже не в Самбор, а обратно в Волочиск, а в Самбор отправляется другой здесь расквартированный госпиталь, очередь которого теперь пришла ломать печи! Так-то. Шурочка, à la guette comme à la guette!

И вот мы снова собрали все свои пожитки и длинной вереницей подвод и тарантасов снова потянулись к покинутым вчера только очагам после неудачной заграничной экскурсии. Вернулись в Россию-матушку! И вот мы снова топим печи в нашей квартире и вставляем котлы в казармах!

Что ты на всё это скажешь? Расскажи коллегам. Это военно-бытовая картинка: «У разбитого корыта».

Волочиск, 30 октября 1914 г.

Ты хочешь ко мне приехать! Дорогая, сказать ли тебе, как я буду этому рад. <...> Только выйдет ли это? Дадут ли тебе отпуск? А если не дадут? Ссориться с Морозовской больницей ты не должна, ведь мы хотим же вместе с тобой там ещё работать. Ведь у нас ещё многое впереди. <...>

Мне нужно с тобой посоветоваться: у меня сердце совсем расклеилось. Полное расстройство компенсации, как ни совестно в этом сознаться в мои годы. Скрыть от тебя всё равно не скроешь, лучше уж начистоту посоветоваться. Ты только не беспокойся особенно, Шурочка, со временем всё это опять наладится, и я буду очень осторожен. Можно ещё долго прожить. Но не знаю только, как мне быть сейчас. Хочу скрыть от родных. У них и так много горя в последнее время, к чему их волновать ещё своей особой. Только что закончил весёлое письмо к матери. О здоровье ни полслова. А между тем оно неважно, с каждым днём пока ухудшается. Сегодня пришлось написать рапорт о болезни, не могу завтра дежурить на станции. Попробовал вчера пойти на почту. Шёл медленно-медленно, еле добрался домой, а потом лежал долго, и сильно сжимало грудь. Недостаёт для полноты картины только отёков. <...>

Левитский и Покровский с двумя сёстрами вчера утром поехали во Львов погулять, пока нет больных. Мы тут совсем одиноки: П.П., аптекарь, я, старшая сестра [*милосердия*], примкнувшая к нам в Воронеже. Я читаю газеты и письма. Жду их с нетерпением, читаю с жадностью. Вот и всё моё занятие пока.

Госпиталь опять устроился. К субботе, должно быть, будут больные. Пока госпиталь будет принимать, как нам сообщают, главным образом хирургических больных и немного терапевтических. Будет, будет! Всё нам обещают, а мы всё ничего не делаем. Как всё это безалаберно! Эпизод с нашим назначением в Подволочиск мелькнул, как метеор и опять забывается уже. А счастье было так близко, так возможно...

Волочиск, 31 октября 1914 г.

Как хочется слушать музыку! Знаешь, Шурочка, я серьёзно задумываюсь над мыслью приобрести себе после войны пьянолу. Будут ли только средства?

Коллеги из Львова должны вернуться завтра утром, а послезавтра нам хотят уже подвалить раненых. Поскорей бы. Не знаю, удастся ли к тому сроку выйти на работу. Посмотрим.

Вологиск, 2 ноября 1914 г.

Вчера вернулись коллеги из Львова. Стало опять немного веселей, оживлённей. Привезли с собой много коньяку и т.п., задали пир. Я смотрел; конечно, не принимал участия.

Они остались довольны, что поехали, хотя и истратили массу денег. Я остался доволен, что не поехал. Не тянет меня никуда без моей Шурочки. <...>

Мы сегодня, наконец, начинаем функционировать как госпиталь. Только что к нам привезли из уходящего в Самбор госпиталя 30 человек терапевтических больных. Левитский пошёл их принимать и будет сегодня дежурить. Хороший человек Левитский. Мы только что долго сидели и болтали. Я ему рассказывал про Москву и Морозовскую больницу. Конечно, описывал всё в радужных тонах! Как мы дружно живём, работаем и веселимся. Рассказал про своё и твоё первое выступление в Обществе детских врачей. Слушал он и завидовал. Эх, говорит, надо и мне перебраться в Москву! Но как ему перебраться? Не так-то это легко, тем более семейному человеку. А хороший он, славный товарищ. <...>

Если тебе всё-таки удастся приехать, то, пожалуйста, захвати с собой следующие книги: Осоргин: *Очерки Италии*, Белорусов: *Париж* (а если уже вышло, то и его: *Франция*). Дионео: *Меняющаяся Англия* и Изар: *Современная Бельгия*¹. Жаждем духовной пищи не менее телесной! <...>

Ты меня спрашивала, как мне нравятся статьи Иорданского² из Прибалтийского Края. Я вот что скажу: мне кажется, что это человек, раньше никогда не бывавший там и с тамошними условиями совсем не знакомый, но желающий в этих условиях разобраться по мере сил объективно и беспристрастно. Поэтому он а priori относится скептически ко всяким слухам о каких-то вышках, сигнальных огнях и т.п. нелепостям (глупая и гнусная инсинуация, воспользоваться которой не постеснялся даже кн. Мансырев³ в своём докладе в Москве). Он прислушивается ко всему, что ему рассказывают там, на месте, но хорошо умеет отделить явно партийное от беспартийного. Поэтому я думаю, что ему удастся дать более или менее правильную оценку происходящему в Прибалтийском Крае.

Как тебе нравится приказ закрасить в Риге все немецкие вывески даже на исторических зданиях, причём латышские остаются нетронутыми? Где же тут справедливость? К чему эти гонения на самых лояльных русских подданных? Как всё это некрасиво! И как, к сожалению, оправдывает мой прогноз относительно итогов этой войны!! Вместо одного засилья — другое, вместо германского шовинизма — свой, отечественный. Перемены вывески, ярлыка, — и только. Содержание остаётся. Насколько иначе отнеслись англичане к командиру «Эмдена» после его захвата⁴. Здесь и врага уважают, мы же своих топчем в грязь.

¹ Осоргин М.А. *Очерки современной Италии*. М., 1913; Белорусов А. *Париж*. М., 1914; Его же. *Франция*. М., 1915; Дионео. *Меняющаяся Англия*. М., 1914—1915; Изар Ж. *Современная Бельгия*. Пг., 1914.

² Н.М. Иорданский, сотрудник и один из соиздателей газеты «Русские ведомости».

³ С.П. Мансырев — князь, юрист, кадет, член IV Думы от Риги.

⁴ Немецкий крейсер «Эмден» под командованием капитана Карла Мюллера захватывал, взрывал и топил торговые суда и военные корабли противника, но при этом с пленными обращались гуманно и сохраняли им жизнь. 27 октября в бою у Кокосовых островов в

Меня в Р.В. всегда очень интересует рубрика «Письма читателей». Ты обратила внимание на борьбу мнений в публике, pro и contra. Это весьма любопытно и утешительно. Есть, значит, люди, не поддающиеся общему угару.

Вологиск, 4 ноября 1914 г.

В госпитале всё те же 30 больных, во мне не нуждаются. Когда я заикнулся было о работе, П.П. категорически потребовал ещё некоторое время покоя для меня. Должно быть, с неделю ещё посижу дома.

П.П. вообще усиленно старается быть любезным и предупредительным, но семейный простой тон в нашем обществе как-то не налаживается. Обеды всё ещё проходят довольно тускло. <...>

Для удовлетворения любопытства товарищей можешь им сообщить, что я здесь получаю: жалованья — 60 р., столовых — 8 р., добавочных — 22 р. И полевых порционных (со дня выхода в поход, значит, с 8-го октября) по 3 р. 50 к. в день, значит, 105 р. В общем, значит, я здесь получаю 195 рублей! В Воронеже получал около 125 р. Лошадиных нам не выдают, на отопление, освещение, квартирные и «приварочные» нам здесь не полагаются. Всё это мне только что рассказал Левитский. Я сам до сих пор не интересовался подробностями, подписывался под суммами, которые мне выдавались.

Вологиск, 5 ноября 1914 г.

У нас дни проходят томительно-однообразно, и не видать просвета... Удивляюсь, как это я, несмотря на полное безделье днём, всё-таки к вечеру тянусь к постели и сплю, как убитый, положенные часы и даже сверх того: обыкновенно с десяти часов вечера до восьми утра! Утренние дни посвящаются ожиданию почты. <...> «Русское слово» почему-то мы ещё не получали, хотя вчера ещё должны были получить номер от 1 ноября. Больные у нас всё те же, новых нет. <...>

Ты читала, Шуручка, в субботнем номере Р.В. письмо из Крыма Елпатьяевского и статью «Гунн» Жаботинского¹? Стоит почитать. Ликвидируется немецкое землевладение в России!² Чем всё это кончится? К чему все эти гонения?

Индийском океане «Эмден» был подорван австралийским крейсером «Сидней», потерял боеспособность и капитулировал. Капитан сошёл с корабля последним и был встречен с почестями; для сдавшейся в плен команды приготовили обед, раненых поместили в лазарет. В дальнейшем они содержались в лагерях для военнопленных на Мальте.

¹ Жаботинский Владимир Евгеньевич (Вольф Евнович) (1880–1940) — видный деятель сионистского движения, писатель, поэт, публицист, в 1914 г. — разъездной корреспондент газеты «Русские ведомости».

² Указом 22 сентября 1914 г. подданные неприятельских государств были ограничены в приобретении новых прав на недвижимость. В октябре Совет министров приступил к обсуждению вопроса о ликвидации немецкого землевладения. 2 февраля 1915 г. были приняты законы о прекращении землевладения и землепользования подданных государств, воюющих с Россией, а также выходцев из этих государств в приграничных районах. Их земли не отчуждались, а подлежали добровольной продаже в течение длительного срока (СУ. 1915. Отд. 1. Пг., 1915. С. 564–568, 3545–3541). См. также статью В.С. Дякина (Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968).

Очень правильно подметил Жаботинский психологию учёного немца, даже на войне, в плену, думающего прежде всего о своей излюбленной специальности. Это жизненный тип немца-филолога.

Интересно и то, что, по-видимому, много интеллигентов в Германии поступило добровольцами в армию. Так меня поразило сообщение, что Рихард Демель, лучший современный лирик Германии, написавший чудесные стихотворения, сидит добровольцем в передовых окопах¹. Да, для них это тоже национальное дело!

Волочиск, 6 ноября 1914 г.

Как прекрасны простые стихи Мистралья², как трогательно наивен восторг военнопленного, какая культурность во взаимных отношениях «врагов»! Да, как-то не верится после этого в дикость «гуннов». <...>

Сколько культурных ценностей убьёт эта война! Когда же люди научатся уважать друг друга, даже временных врагов? Господи, как я надеюсь, что эта война кончится к весне, что всеобщее одичание, наконец, прекратится. <...> Господи, поскорей бы их побить как следует. <...>

Если хочешь мне прислать интересную посылку, то пришли главным образом книги.

Волочиск, 7 ноября 1914 г.

У меня теперь времени много, целый день свободен, бездельничаю. <...>

Читаю газеты. Впечатления всё те же, отрадного мало. Длинные списки убитых и раненых. Длинные рассказы о сожжённых селениях, разгромленных домах, убийствах и насилиях. Устаёт душа от всего этого ужаса. Притупляется чувство, хочется покоя, покоя!

Решили мы сегодня к Рождеству устроить у себя ёлку. Выпишем украшения из Москвы. Деревцо же мы здесь достанем, хоть ёлок тут что-то не видел совсем. Что же? В крайнем случае, возьмём можжевельник — ёжика. Надо же вносить хоть какой-нибудь уют в нашу жизнь. Как хорошо, что мы — товарищи, живём так дружно, сплочённо.

Могу только опять повторить, что хороший человек Левитский! Как наивно-добро светятся иной раз его глаза! Мы раньше часто с ним спорили ожесточённо, даже немного пикировались. Теперь, чтобы ничем не волновать меня, он старательно избегает всяких спорных вопросов, так предупредительно деликатен. Удивляет меня только, что иногда, получив письмо от своей жены, он целые сутки оставляет его нераспечатанным, и только на другое утро, собираясь отвечать, прочитывает. Я так с твоими письмами не поступаю. У меня они не залёживаются.

Сегодня одна из наших сестёр получила письмо с пометкой «просмотрено военной цензурой». А было оно тоже адресовано «до востребования». Может быть, некоторые письма наугад просматриваются, задерживаются и теряются... <...>

¹ Демель, Рихард (1863—1920) — видный немецкий поэт-символист, близок к нищенцам, с началом войны поступил добровольцем в немецкую армию, был ранен в 1916 г.

² Мистраль, Фредерик (1830—1914) — французский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1904 года.

Сегодня Раф.Мих. именинник и выглядит именинником. Сияет, угощает публику привезённым из Львова. Он такой чудак, особенно когда бывает в весёлом настроении, так бы и обнял весь мир.

Справляет именины и наш денщик Михаил. Мы ему собрали рубль, подарили табак и конфет. Пускай всё-таки почувствует разницу, что не все дни похожи друг на друга.

Получил сегодня длинное письмо от матери. Всё тоскует, не может примириться с потерей [сына]. <...> Сто рублей, которые я послал недавно, мать не желает принимать, хочет их присоединить к прежде присланным 50-ти рублям и сохранить для меня. Не знаю, как её уговорить, у меня ведь и так сейчас достаточно лишних денег. <...>

Читал я сегодня рассказ Бунина «Суходол», где даётся психологически-бытовая картинка вырождающегося деревенского барства. Да и не только барства, но и всего с ним связанного — челяди, дворовых. Есть какая-то особенная мифическая грусть в повествовании Бунина. Как мягко и нежно, и вместе с тем правдиво очерчены его образы. И какая тонкая психология! Как глубоко он проникает в самое нутро славянской души, «l'âme russe». Недаром он взял эпиграфом своей книги: «Веси, грады выхожу, Русь обдумаю, выгляжу». Да, он и выглядел, и обдумал, и описал.

Вологиск, 10 ноября 1914 г.

Прошу прибавить к посылке ещё книгу Лихтенбержа: *Современная Германия*.¹ А затем хотел я тебя ещё попросить купить для моих коллег три алюминиевых складных стаканчика. Помнишь, мы с тобой покупали у Мейера на Кузнецком за 60 коп.? Им очень понравился мой стаканчик, и они спорят из-за него.

Сегодня я первый раз вышел гулять [*после болезни*]. Пошёл к госпиталю, обошлось совсем хорошо. Чудесная погода: солнце, мороз, белый блестящий снег в поле так и скрипит. Хорошо!

Посмотрел я госпиталь. Он сейчас устроен вполне прилично. Сделаны шкафы для инструментов, для перевязочных материалов, для аптеки. Всё выкрашено, чисто, тепло. Поставлены умывальники, часы. В общем, работать можно. Только бы вместо П.П. поставить Зайцева — всё было бы хорошо. А больных новых всё нет. Говорят, около двух недель нам новых не подложат.

Вологиск, 13 ноября 1914 г.

А сердынько моё — *idem*, во всяком случае, не лучше. В комнате я человек почти нормальный, но пройду — я сегодня пошёл в госпиталь — и еле доплещусь домой. Теснит грудь, слабость. <...>

Сегодня утром П.П. предложил поговорить в эвакуационном пункте относительно отпуска для меня. <...>

Других новостей у нас нет. Левитский продолжает упорно изучать французский язык (увы, я нет!). Покровский постоянно в отлучке, на горизонте с сестрой.

¹ Лихтенберже, Андре (1870—1940) — французский писатель, профессор иностранной литературы в Нанси.

Вчера он опять за меня дежурил на станции. Аптекарь продолжает стремиться ко всему спиртному, не всегда бесплодно. Вот и всё.

В госпитале 43 человека. Хирургических нет, все — больные. <...>

Теперь Румыния собирается воевать. Едва ли безучастна в таком случае останется Италия. Приходится желать их выступления, может быть, хоть тогда война скорее приблизится к развязке. Так хочется верить в возможность скорого окончания!

Волочиск, 14 ноября 1914 г.

У нас новости: П.П. сегодня рассказывал, что из четырёх сводных госпиталей, сформировавшихся в Воронеже, два присланы в Волочиск, а один — в Броды. А только что сообщает ординатор соседнего госпиталя, что видел Кутьку на станции! Он только что приехал, живёт ещё в вагоне. Спрашивал про меня, завтра зайдёт. Как тебе это нравится? Три месяца не виделись. Жаль, что он сюда приехал не раньше, всё-таки живая душа из Москвы. Этак, пожалуй, ещё с кем-нибудь из Морозовской больницы встретимся. Ну, завтра мы с ним поговорим. <...>

П.П. вчера официально запрашивал главного врача эвакуационного пункта относительно отпуска для меня. Ответ будет на днях. Он думает, что мне дадут две недели. А я думаю от себя прибавить неделку, как-нибудь это устроив. Что, хорошо? Только жаль, что причина такая печальная... Ну, я твёрдо верю, что когда буду с тобой, мне станет лучше. Ведь нельзя же отрицать психических факторов в лечении. А пока всё — idem. <...>

Газеты продолжаю изучать всё столь же усердно и не скажу, что они мне надоели. <...> Жаботинский из всех корреспондентов мне нравится больше всего. Наибольшая объективность и талантливое изложение; молодое восходящее светило журналистики.

Волочиск, 17 ноября 1914 г.

Получил от тебя письмо и бандероль с книгами. <...>

Общественное собрание, довольно примитивное, у нас, вероятно, откроется через неделю. Взносы сделаны.

Волочиск, 19 ноября 1914 г.

Левитский купил себе за трёшник балалайку и брэнчит на ней без усталости, забывая даже французский язык. Какая ни есть музыка, а всё-таки музыка! <...>

Получил также сегодня открытку от Зайцева из Воронежа. Пишет, что у него сейчас там много работы. Говорят, что их переведут на Кавказ. Кажется так, что все более или менее работают, только мы здесь в Волочиске почием на лаврах. <...>

Всё-таки продолжаю верить, что к весне война закончится.

Волочиск, 20 ноября 1914 г.

Мы сегодня смотрели лошадей, приценивались. Завтра опять будем смотреть, должно быть, и купим. Денег куры не клюют, есть, на что пожить в Москве. И на подарки хватит, только бы доехать.

Вологиск, 21 ноября 1914 г.

Мы сегодня купили пару лошадей и санки. Долго торговались: мы давали 150 р. за пару, а продавец требовал 280 р. Сошлись на 220 р., да санки 25 р., да упряжь тоже 25 р., да на чай. Вот и обошлось нам всё удовольствие в 275 р. Разделить на три: пай 92 рубля! Впервые я являюсь владельцем лошади. А кони добрые, как кажется, в особенности, когда мы их подкормим. И, кажется, что мы не слишком переплатили. Я пока доволен. Только как назло и сегодня тает, дороги портятся, а мы рассчитывали только на зимний путь.

Вологиск, 22 ноября 1914 г.

Я не знаю, куда девать деньги. Послать домой я ещё не хочу, пока не выяснится моя поездка, а сейчас меня смущает количество ассигнаций в портфеле. Так и хочется поехать «в город» и растратить поскорее. А жалованье мы получим, когда вернётся из Львова П.П.! Да ещё 100 р. на покупку тёплых вещей. А я сижу и ничего не делаю. Как тебе это понравится? Совестно получать деньги, а ведь не отказываться! <...>

Осоргина прочёл. Начинаю Diöneo: «Меняющаяся Англия». Читаю вообще сейчас очень много, очень подробно газеты. Ведь я хочу разобраться, докопаться до истины.

Вологиск, 24 ноября 1914 г.

Была сегодня комиссия. Или, вернее, я представился комиссии. Расскажу по порядку. Утром, конечно, волновался порядочно. Лошади наши к 12-ти часам оказались не на месте, и пришлось пройти пешком в соседний госпиталь, да ещё там подняться на третий этаж. Пульс, конечно, жарит во всю, чувство стеснения в груди, одышка, всё как следует быть. Комиссия не показная, а сурьёзная. Исследовали меня весьма тщательно, без пристрастия, но доброжелательно. <...> Впечатление такое, что они налегают больше на невроз сердца, быть может, специфического для Basedow'ой характера¹. <...> Я думаю, что они мне непременно дадут отпуск. Вопрос, думаю, теперь только за утверждением.

Вологиск, 25 ноября 1914 г.

Послал я сегодня Покровского к председателю комиссии узнавать результат. <...> Вернулся он и сообщил, что комиссия решила мне прибавить ещё полмесяца к отпуску. Подумали они даже о полном освобождении от военной службы, но ввиду высказанного мною отрицательного отношения не обсуждали. <...>

Чувствую, что Рождество придётся провести в Риге, но ведь ты, Шурочка, поймёшь, что матери я это обязан. Верно ведь?

Вологиск, 1 декабря 1914 г.

Вчера вечером мы узнали, что из Подволочиска пришла бумага с резолюцией по моей просьбе. Послали и узнали, что отпуск не разрешен по тем сообщениям, что имеется приказ по военному ведомству этого года, по которому

---

¹ Подозревается Базедова болезнь — тиреотоксикоз с увеличением щитовидной железы.

комиссиям предоставлено право увольнять в отпуск только на сроки не менее 6 месяцев. Если же такой продолжительный отпуск не нужен, то необходимо больных отправлять на лечение в госпитали. Приведен номер циркуляра... Я же предназначен к эвакуации в Киев.

В письмах за следующие несколько дней Фр.Оск. подробно описывает свои хлопоты в Волочиске и Подволочиске, отказы и проволочки по делу о его отпуске. Несмотря на обострившийся миокардит с признаками сердечной недостаточности — вследствие перенесённой в 1912 г. дифтерии в Морозовской детской больнице, получить освобождение от военной службы Фр.Оск. не хотел. Возможно, он не был бы так озабочен своим здоровьем, если бы не любимая женщина, ожидавшая его в Москве. С твёрдым намерением добиться отпуска он отправляется в Черкассы на медицинскую комиссию, которая должна окончательно решить вопрос о его отпуске. В Черкассах служит Ал.Аф. Морозов, его коллега по Морозовской больнице, который уверен в положительном решении комиссии.

Киев, 13 декабря 1914 г.

Ну, Шурочка, я уже в Киеве!

Вчера утром, наконец, все формальности были выполнены, и я поехал в путь далёкий. Попал в вагон *mixte*, места много, но всё-таки почти не спал всю ночь — слишком велико возбуждение. С П.П. мы даже не распрощались, — кажется, окончательно поссорились. Чёрт с ним.

Рано утром приехал в Киев. На вокзале как следует помылся, постригся и побрился. Потом пошёл шляться по улицам, на Крещатик, на Владимирскую горку. Снова любовался чудесным видом на Подол, на этот раз зимний... Делал покупки. Выбрал много ёлочных украшений и т.п. для коллег, послал в Волочиск.

Встретил на улице Лейкина, корреспондента «Врачебной газеты», референта заседаний Общества детских врачей, стоящего с госпиталем здесь в Киеве. Зашёл к нему и у него же и пишу тебе. Он мне страшно мешает, всё время без умолку болтает о совсем неинтересных вещах. Через два часа идёт мой поезд в Черкассы. Буду там завтра утром в 7 часов.

Черкассы, 15 декабря 1914 г.

Выехал я из Киева благополучно третьего дня вечером. В 6 часов утра вчера приехал в Черкассы. Снял номер в гостинице и тотчас же лёг спать.

В двенадцатом часу я поехал в госпиталь к Ал.Аф., узнать как, где и что. Поговорил там с его главным врачом, который меня вполне обнадежил. Сказал, что 15-го будет комиссия, и что с таким освидетельствованием, копию которого я ему показал, меня наверняка отпустят в отпуск на один месяц. Можешь представить себе мою радость, что вот, наконец, все препятствия удалены, что завтра же я буду находиться в пути к тебе, в Москву.

Пообедал я у них, посидел с Ал.Аф. В пятом часу приехал в эвакуационный пункт, чтобы официально донести о своём прибытии и желании подвергнуться освидетельствованию в комиссии.

И тут-то меня как бы обухом по голове ударили... Первое слово, сказанное начальником эв.п., было: «Для врачей никаких отпусков теперь не полагается!» Оказывается, что вчера, в тот самый день, когда я приехал, получено строей-

шее разъяснение, что для врачей в военное время никаких отпусков быть не может. Если же они больны, то должны лечиться в госпиталях, если же комиссия их признает неизлечимыми, то в таком случае они подлежат эвакуации.

Поговорил я с врачами эв.пункта. Между ними оказался один мой товарищ по гимназии. Они мне объяснили, что из Черкасс они имеют право эвакуировать только в Харьков. Черкассы считаются тыловым пунктом. Здесь последняя преграда по пути внутрь империи. Внутри же империи офицерским чинам предоставляется право выбора места лечения. Харьков является таким распределительным центром. Там будто бы без комиссии, по желанию и выбору офицера назначается конечный этап эвакуации.

Сейчас же я обязан непременно лечь в госпиталь и дожидаться офицерской комиссии, которая будет в четверг, 18-го числа. Получил я билет с назначенным мне номером госпиталя. Но предварительно опять заехал к главному врачу госпиталя Ал.Аф. Для него тоже совершенно неожиданным был новый приказ. Согласился, что это коренным образом меняет всё дело, что придётся ему переговорить с двумя чинами комиссии, выяснить их отношение к новым обстоятельствам. Во всяком случае, он готов оказать всё возможное содействие.

В таком минорном настроении я взял в гостинице свои вещи и явился в госпиталь, мне предназначенный. Прежде всего, надо отметить, что коллеги здесь все прекрасные люди, не исключая и милейшего главного врача. В их желании мне посодействовать я не сомневаюсь. <...>

В госпитале Алексея Афанасьевича все четыре врача и аптекарь живут со своими жёнами. Везёт!